

Максим Друзь
Три узды

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Друзь

Три узды

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Друзь М.

Три узды / М. Друзь — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Вы – преуспевающий добропорядочный гражданин с блестящими планами на будущее. И вдруг, после многих лет спокойной жизни, вы узнаете, что ваше прошлое полно зловещих и отвратительных событий. А ваши близкие, будто сговорившись, подсовывают все новые свидетельства того, что вы вовсе не тот, кем себя считали. И когда вы впадаете в отчаяние от вала странных событий, неведомым образом воскресает главный свидетель обвинения – ваша давно похороненная возлюбленная. Кажется, она может объяснить вам всё, но постоянно ускользает из рук... Сможете ли вы разобраться в тайных причинах происходящего? Или будете послушно плыть по течению к жуткому финалу? Прочтите и решите, кто вы – обманутый герой или жалкий безумец, выдумавший свою жизнь. На обложке – рисунок Vincente Romero Redondo, использованный в некоммерческих целях с его личного разрешения. Содержит нецензурную брань.

© Друзь М., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Последняя суббота августа. Полдень жизни. Экскурс в бронзовый век.	6
Узда первая: Эльза	18
Воскресенье. Минута дурной славы. Кровиночка.	18
Понедельник, сентябрь. Первый звонок. Манипуляции.	26
Понедельник, после обеда. О женщинах и вине. Путь воина.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

ОТ АВТОРА

Дорогие читатели! События, описанные в этой книге, во многом автобиографичны. У ее героев есть реальные прототипы. К сожалению, кое-кто из них уже умер, но большинство благополучно здравствует (по крайней мере, мне приятно так думать, потому что одну ужасно приятную особу я потерял из виду давным-давно). Я не хотел бы лишний раз извиняться за то, что заставил их против воли стать участниками этой непростой истории. Напротив, я буду очень рад, если кто-то из вас, читателей, узнает себя на этих страницах, и, таким образом, получит от меня сердечный дружеский привет.

Последняя суббота августа. Полдень жизни. Экскурс в бронзовый век.

К сорока годам я достиг, наконец, гармонии с собой и со всем миром. Несколько лет довольно небрежной игры на бирже сделали меня состоятельным и свободным от меркантильных обязательств человеком. Я обзавелся уютным домом, уютной женой, уютной и ни к чему не обязывающей докторской позицией в университетской альма-матер, и был абсолютно удовлетворен своим существованием.

Да, следовало признать, что молодость уходит. Но не черт ли с ней? Воображаемая временная стрела моей жизни всегда тянулась из прошлого в завтрашний день. Толстовские детство и отрочество представлялись мне глухой и бесплодной эпохой крепостничества. Юность – варварским средневековьем, полным пьяного невежества, мучительных поисков философского камня, войн с самим собой за ложные убеждения, и, случалось даже, аутодафе. Зрелость же, которая вот-вот должна была наступить после затянувшегося периода реформации, обещала блестящее позитивистское будущее.

Самым ценным приобретением моей взрослой жизни стало понимание, наконец, того, чего я хочу и к чему предназначен. Я стал сочинителем, писателем, и вся прочая деятельность тут же потеряла свой былой смысл. Придумывая истории, я проживал вторую, третью жизнь со своими персонажами, находясь сразу в нескольких параллельных мирах. И что это были за жизни: яркие, полные чудес, увлекательные – они во всех отношениях выигрывали у моего благополучного, но, скажем прямо, обыденного и чересчур размеренного существования. Да, я был всего лишь профессиональным мечтателем (точнее, уверенно становился им), и мое отличие от мальчишки-фантазера было лишь в том, что я обладал достаточно крепкой пятой точкой, чтобы прилежно заносить придуманное на бумагу, – и тем уровнем толерантности к чужому мнению, который позволяет не трястись от страха, когда написанное тобой читают другие люди. В этом смысле занятие сказочника, конечно, не может считаться серьезным.

Но подумайте вот о чем. Время воспринимается совершенно по-разному в разные годы человеческой жизни – это научный факт, который сложно подвергнуть сомнению. В детстве все, что происходит вокруг, внове для мозга, и ему требуется чуть ли не на каждом такте своей работы осмысливать всю действительность заново. Поэтому для детей и подростков, которые еще только изучают мир, время безумно растянуто. Вспомните, как утомительно медленно двигались стрелки часов, когда мама просила вас посидеть в комнате в одиночестве каких-то десять минут, пока она сушит голову в ванной. В тот срок, что вам нечем было заняться, вы могли передумать тысячу вещей, расстроиться, обрадоваться, пролистать пачку журналов с картинками, оторвать голову медведю, и несмотря на эту насыщенную деятельность, девять из десяти минут вы все равно предавались унылому брожению от дивана к комоду. Затем, по мере того как человек растет, мозг образует устойчивые связи на каждое архетипическое действие, связанное с определенными обстоятельствами. Поскольку набор обстоятельств в жизни каждого человека очень скуден, то эти действия начинают выполняться автоматически, проходя мимо сознания. Мы перестаем осознавать время. Что такое те, детские десять минут сейчас?..

Однажды, когда мне было тридцать или около того, я пожаловался приятелю, что половина жизни, вероятно, позади. Он самоуверенно заявил, что это ерунда, поскольку из прошедших лет половина пришлась на детство и, следовательно, на тот период, когда человек все равно, что недоразвитый идиот. Таким образом, успокоил он меня, у тебе впереди еще две трети отпущенного тебе осознанного времени. Боже, как он ошибался! Субъективно время только ускоряется, и все, что происходило со мной во взрослой жизни, по уровню эмоциональ-

ной насыщенности легко уместится в семестр детского сада. Говорят, что в глубокой старости время не осознается вовсе, но это мы еще посмотрим.

Не думайте, что я жалуясь. Весь этот длинный и, в общем-то, не относящийся к делу период я позволил себе вставить только затем, чтобы вы поняли, что так увлекло меня в писательстве, и почему свое приобщение к этому занятию я безусловно полагаю центральным экзистенциальным событием своей жизни (а также затем, чтобы вы догадались, что по роду деятельности я мозговед-теоретик, а для бантика на собственном тщеславии еще и доктор наук). Над книгой работаешь с полгода; затем еще столько же записываешь ее, одновременно придумывая несколько новых, и вся эта мозговая активность добавляется в зачет к твоему субъективному восприятию времени. Ты растягиваешь свою личность на три, пять, десять воображаемых, и все они живут собственной жизнью, кратно удлиняя общий путь твоего существования. Именно по этой утилитарной причине считается, что творчество – путь к бессмертию, а вовсе не потому, что кто-то там тебя когда-нибудь прочитает и вспомнит.

Меня, правда, пока не особо читают и помнят. Я только в начале своего пути. Куцега романа и пары эпатажных рассказов, опубликованных на бесплатных ресурсах, оказалась достаточно для сдержанной заинтересованности любительского и графоманского сообщества, но не более того. Меня только начинали читать, но уже, бывало, звонили, писали письма, пытались брать суконные интервью, а однажды даже опубликовали унизительно-едкую рецензию на мой текст в солидном столичном блоге. Все это, не могу не признаться, страшно тешило мое самолюбие. В конце концов наше провинциальное издательство решило выпустить мой второй роман смехотворным тиражом (если вы думаете, что эта была их человеколюбивая инициатива, то плохо себе представляете писательский труд: не буду перечислять здесь, сколько своих денег и сил пришлось потратить на редактуру, корректуру, рыночно-ориентированный синопсис, беготню по литературным знакомым и нудную переписку с редакцией – до тех пор, пока издание все-таки было признано коммерчески обоснованным), и подумывало о том, чтобы напечатать еще два из моих старых запасов. Как бы то ни было, я был счастлив от того, что у меня все получается. В моих мыслях творческий путь был расписан на двадцать лет и двадцать томов вперед – причем каждый последующий был краше предыдущего, дабы не снижать градус читательского накала. Мои эпизодические лекции в университете оставляли массу времени на настоящую работу, а временное отсутствие гонораров, как я уже говорил, не представляло никакой проблемы. Я был полон сил и планов на будущее.

И вот, в эту пору расцвета и совершеннейшего благоденствия, со мной то тут, то там, начали приключаться пугающие и невозможные в своей дикости сюрпризы. Темные демоны, которые, казалось, навсегда остались в моей беспутной юности, начали мрачно и деловито сучить костлявыми лапками и слать сквозь мутную толщу лет свои презрительные воздушные поцелуи.

* * *

Но началась это история отнюдь не зловещим, а самым мирным, даже пасторальным образом. Я собрался в поход за грибами. Нет, обычными. Теми, которые жарят с картошкой или кладут в суп для особенно аппетитного аромата. Люблю, знаете ли, в одиночестве побродить по пустому осеннему лесу, в котором солнце и листья еще на своих местах, а вот комары и прочие энцефалитные кровососы уже канули в лету. Тихая охота. Впрочем, уважаю я и громкую. Тут ведь дело не в том, чтобы расстреливать зверье (я, в основном, стараюсь промахнуть), а в детской страсти к оружию. Когда-то давно я решил, что стать взрослым стоит хотя бы затем, чтобы покупать себе столько конфет и игрушек, сколько захочется. И вот, конфеты меня больше не интересуют, но нарезные игрушки превратились в неиссякаемый источник эстетического удовольствия. Охотничий билет – самый простой способ лупить в белый свет как в копеечку столько, сколько заблагорассудится.

Я как раз размышлял о том, стоит ли брать с собой ружье... нет, о том, какой экспонат из оружейного сейфа больше подойдет сегодняшнему настроению – тяжелый и солидный, или же легкий, веселый и простодушно-гладкоствольный, – когда в кухню, где я сидел над утренней кружкой кофе, вошла Нина. Знакомьтесь, Нина – моя жена.

– Доброе утро, – настороженно улыбнулся я, увидев ее нелепый наряд. – Куда это ты подорвалась в такую рань?

– Я проснулась и поняла, что хочу с тобой за грибами. Обожаю грибы, – нахально заявила она. – Лисички, опята, свинушки... Можно?

– Свинушки ядовитые.

– Ерунда, ты не умеешь их готовить... неважно. Мне надоело все выходные проводить на диване. Я думаю, что это не идет на пользу моей заднице, – она похлопала себя по ягодице, скрытой под мешковатыми брезентовыми штанами.

– К тому же, – она обошла меня сзади и задышала в ухо, обняв за шею, – вдвоем грибов можно собрать ровно в два раза больше. Ну же, решайся. Возьми меня... с собой.

Это болезненно нарушало мои планы. Не подумайте плохого, но раз уж я решил забраться в лес один, чтобы поразмыслить о жизни, то так оно и будет.

– Слушай, дорогая... Что тебе в голову взбрело? Сгоняй лучше в город, купи какой-нибудь ерунды на ужин... Будет у нас ужин, наконец? Я же не в ближайшие кусты собрался, а за Караканский бор. Это три часа в один конец. Охота время тратить?

– Что-о? – возмущенно воскликнула она, чуть не оставив меня глухим на одну сторону. – Какой еще бор? Тоже мне, грибник. В Елбаши надо ехать, железно.

Я фыркнул:

– Шикарное местечко, судя по названию... Тебе-то откуда знать, куда ехать? Караканы – это для грибов Земля Обетованная, это тебе каждый скажет...

– Да будет тебе известно – а тебе, безусловно, это известно, – что по роду своих прямых служебных обязанностей я перерыла все окрестные леса, поля и болота в радиусе ста световых лет. Я знаю, где грибы. Верь мне.

Это правда. Так вышло, что моя жена – археолог. Она постоянно шатается по всяким глухим местечкам в поисках следов доисторических людей, когда-то в изобилии населявших наши края. Как только из-под весеннего снега появляется первая травка, она сгребает в рюкзак разнокалиберные лопатки, молотки и палатки, и уматывает в экспедицию вместе со своими громкоголосыми, волосатыми, как варвары, коллегами (что в равной степени относится к коллегам обоих полов). Вплоть до поздней осени она появляется дома урывками, целыми днями отлеживаясь на диване с бесконечными сериалами, от которых отвыкла в лесу – и, конечно, при таком образе жизни все ее инсинуации по поводу «задницы» (которая, на мой взгляд, безупречно) являются чистой воды кокетством. Короче говоря, как бы ни прискорбно было соглашаться со своим поражением, следовало признать авторитет супруги по грибной части.

– Там хоть тихо? – угрюмо поинтересовался я. – Людишек нет?

– Можешь палить из своей аркебузы сколько влезет, если ты об этом, – заговорщицки кивнула она. – Местечко секретное, от деревни километров восемь, а дальше ни души до самой Монголии.

Нина уже две недели сидела без работы, несмотря на сезон, и, видно было, совершенно извелась от безделья. Но ведь не мог я ей прямо сказать, что за то же время успел соскучиться по одиночеству?

Что бы сделала любая другая на ее месте, увидев колебания мужа? Надула бы задрожавшие губы? Скрылась бы в спальне, храня оскорбленное молчание? Устроила бы сцену ревности, обвинив в том, что я еду не срезать ножки молодых грибов, а ласкать ножки молодых любовниц? Это не про Нину. Не теряя времени даром, она перегруппировала силы и пустила

в ход тяжелую артиллерию. Отпустила мою шею, зашла с другой стороны и плюхнулась мне на колени. Я чуть не опрокинул кофе.

– Я о-фи-ци-аль-но уполномочена заявить, – она понизила голос на два тона и уткнулась своим носом в мой, – что ты не пожалеешь. Там будет столько этих чертовых грибов, что ты будешь, проклиная все на свете, чистить их до утра, и все равно половину придется выбросить. А если я вру...

Она оттолкнула мою голову, и откинулась назад, иронично глядя сверху:

– То ты сможешь наказать меня прямо там, в лесу, под первой же попавшейся осинкой. И я даже не буду сопротивляться. Благо, погода... – она взглянула в окно, – погода лётная.

– Да уж, в Елбашах сам бог велел, – хмыкнул я уже больше из вредности. – А что это ты такая задорная с утра?

– Понятия не имею, – она дурашливо пожала плечами. – Но вот я слышала, – она снова приблизила лицо вплотную к моему: – Что у баб по утрам окситоцин поднимается. А у мужиков – тестостерон. Так что беги, заводи свой трактор, пока опять не упало, едем скорее!

Вот так у нас всегда. Если ей что-то надо, то она никогда не ноет, не упрасивает, не ждет, пока я сам догадаюсь, а просто говорит насмешливо и убедительно. И при этом так получается, что я делаю именно то, что она хочет, а в качестве приза вроде бы даже не чувствую себя уязвленным. Напор, логика и подкуп – вот и весь секрет правильного обращения с мужчинами. Золотая женщина...

Хотя, станется, в этих, прости Господи, Елбашах, и в самом деле грибной парадиз?

Оставив Нину нарезать дорожные бутерброды за барной стойкой, я грузно поднялся в мансарду дома. Здесь был мой заповедник, моя писательская мастерская, мое убежище от суеты жизни – кабинет. Солнце, бьющее сквозь окна в потолок, освещало спокойный и такой милый сердцу интерьер: косые стены, обшитые пробкой и увешенные старыми музыкальными плакатами, плетеные светильники, свисающие из-под конька крыши, массивный письменный стол со скрипучим стулом, мягкие кресла по углам... Напротив двери, через которую я зашел, располагался выход на крытую террасу, где было так приятно сидеть теплыми ночами, к сожалению, нечастыми в наших палестинах, а все свободное место, остававшееся у стен, было заставлено стеллажами с потертыми книгами. Они-то и были мне нужны. Книжные шкафы имели нехитрые потайные секции, открывающиеся при нажатии в нужном месте. За одной из них скрывался самый банальный бар с полупустыми бутылками, а за другой – стальной ящик для хранения огнестрела. Я сдвинул в сторону массивную створку и хозяйским взглядом окинул свой скромный (надеюсь, до времени) арсенал, уверенно и умиротворенно поблескивающий воронеными стволами.

Пожалуй, после постыдного поражения от жены, лучше всего подойдет вот этот, в крайней левой стойке. Я вынул за цевье тяжелый карабин, уложил его в мягкий чехол, в кармашек спрятал короткий магазин, не забыв про коробку с патронами. Теперь я был готов к любым приключениям, хоть бы даже в нашей скудной местности мне пришлось повстречаться с африканским носорогом.

Нина уже сидела в машине и нетерпеливо поглядывала, как я запираю дверь и обстоятельно, чтобы не болталось, укладываю ведра и прочие снасти в багажник. Закончив, я медленно прошел вокруг, разглядывая колеса – дорога дальняя, хреновая, так что внешний осмотр лишним не будет. Сокрушенно покривившись на давнюю вмятину сбоку и длинную трещину на лобовом стекле (все, в этом месте можно перестать меня ненавидеть, не такой уж я богатый, раз до сих пор ездю на этом пожилом одре), я сел за руль и привычно положил левую руку на теплое Нинино бедро.

– Давай, навигатор, команду, – распорядился я. – А то я даже не знаю, в какой стороне света находятся эти твои чудесные Ебаша.

Нина закатила глаза и перешла в режим учительницы. У нее это очень натурально выходит.

– Я, конечно, счастлива, что мой муж так юн душой, что до сих пор хихикает над глупыми словечками, как второклассник. Но тут, мой дорогой профессор, ты сел в галошу. С размаху. Мы направляемся, чтоб ты знал, в древнее историческое местечко, основанное еще в середине восемнадцатого века переселенцем Тимошкой Елбешовым. А фамилия эта известная и благородная: в тюркских языках, как тебе все-таки может быть известно, «баши» – это глава, руководитель, а «эл» – это год, а также время вообще. Так что «илбашы» – это «временный правитель», с современного татарского переводится дословно как «президент». Понятно, горе мое?

– Все, осознал, – склонил я голову, – это действительно информация чрезвычайной важности. Больше не повторится. Можно трогать?

– Трогай, трогай... – флегматично заметила удовлетворенная победой Нина и переложила мою руку повыше. – Давай прямо и направо, а там видно будет...

Сначала наш путь шел по хорошему шоссе, идущему вдоль водохранилища. Солнце весело блестело на глади воды, машины, проносящиеся навстречу, были празднично нарядны и чисты – все словно старались прожить этот предпоследний (а следовательно, единственно настоящий) выходной лета безупречно радостно. Но вскоре Нина попросила свернуть в сторону, и теперь мы ехали по третьестепенной растрескавшейся дороге, петляющей от одной деревни к другой. Пейзаж поскучнел: здесь преобладали невзрачные домики из силикатного кирпича, черные покосившиеся амбары, торчащие вкривь и вкось дощатые, с облупившейся краской, заборы. Стали попадаться гуси и козы. Они неспешно пересекали улицу в произвольных направлениях, и так и норовили нанести своим хозяевам ущерб, попав под колеса, – так что пришлось здорово сбросить скорость. Потом бесконечные села закончились, но с ними закончилась и дорога. Дальше осталось довольствоваться пыльной луговой грунтовкой, огibaющей плоские холмы и редкие лесополосы. Это Сибирь, детка, – с нежностью думал я, стараясь не свалиться в колею. Необъятные запущенные пространства, чахлые условные дороги, и самый необходимый минимум живых людей для того, чтобы хоть как-то обозначать присутствие цивилизации...

Наш край разлегся в том самом месте, где сходятся границы великой сибирской тайги, великих казахских степей и великих же (как без этого) уральских болот. Отсюда все прелести местной жизни: изматывающе знойное лето с непременными тучами мошкары и комарья, и жуткая стужа зимой, для остроты ощущений подкрепляемая невероятной влажностью и колючими тугими ветрами. Только два месяца в году можно, не особо кривя душой, отнести к благословенным – апрель и сентябрь. Второй особенно хорош: мягкий, безветренный, сухой, играющий красно-золотой листвой на фоне насыщенного голубого неба с пушистыми облаками. Именно эта нежная пора начиналась сейчас, и поэтому трава степи, по которой мы пробирались, еще сверкала местами зеленым, а перелески, остающиеся стороной от дороги, уже потихоньку наливались оранжевым. Ночью был дождь, но сейчас, утром, все подсохло, и лишь изредка на нашем пути попадались глубокие рытвины, заполненные водой – впрочем, пока что мне удавалось их преодолевать, даже не сбавляя ход.

Наконец, островки деревьев, разбросанные тут и там, стали густеть, сливаться, и постепенно превратились в настоящий лес, который теперь шел по левую руку от нашей тропинки. Мы двигались на юго-восток, и, видимо, это был последний форпост остающейся за нашей спиной реликтовой тайги, простершейся на север и далее, до самого Тихого океана. Дорога свернула направо, и через несколько минут мы оказались на верхнем краю небольшой котлообразной долины. Посреди нее торчал невысокий холм; справа он него виднелось, совершенно, на первый взгляд, вымершее село домов на пятьдесят, а слева топорщились какие-то столбы. За долиной сплошной стеной темнел лес.

– Почти на месте, – сообщила Нина, опытным взглядом топографа изучая ландшафт. – Тут лучше не через деревню, а сбоку от горки, во-он там...

Я взял левее и спустился по пологому склону. Дома скрылись за заросшим травой холмом, а грунтовка совершила изгиб и неожиданно привела нас в целый городок из низких деревянных строений. Они были давно заброшены: распахнутые двери колыхались по ветру, оторванные ставни валялись прямо на дороге, а из дыр в стенах выглядывали ивовые кусты. То, что я принял за столбы, оказалось обломками решетчатых вышек, возвышающихся над бараками. Место выглядело зловеще, и я почувствовал себя неудобно.

– Это раньше называлось Сиблаг, – продемонстрировала краеведческие таланты Нина. – Но ты не переживай, тут особенных ужасов не было. Здесь после войны жили пленные немцы, а со временем как-то всем стало не до них, вот они и разбрелись кто куда. Поэтому тут в окрестностях много их потомков, даже целые деревни немецкие есть... То есть были.

– А вот этот холмик, который мы проехали, – кротким голосом отличницы продолжала она, – это интересная штука. Это сап-инкубатор.

– Чего? – неинтеллигентно уточнил я.

– Ну, скотомогильник. Сап – это такая болезнь домашнего скота. Обычно смертельная, кстати.

– Тыфу на тебя, – сморщился я. – В какое гнусное место ты меня завела, женщина? Знай я тебя похуже, решил бы, что ты специально заманила меня в эту глухомань, чтобы прикончить по-тихому и закопать в каком-нибудь болоте. Тебе что, так надоело замужество?

– Боюсь, это было бы преждевременно, – проворковала она. – Но идея богатая, спасибо... Ничего, не бойся. Тут уже лет семьдесят никого не закапывали – ни людей, ни лошадей...

За этим веселеньким разговором мы поднялись по противоположному склону долины, и, наконец, оказались в лесу. Дорожка совсем сузилась, петляя меж деревьев, под колесами захлюпало, мотор надсадно ревел на пониженных передачах. Я упрямо пер вперед, подбадриваемый указаниями жены, объезжая поваленные стволы, сбивая нависшие над самой землей ветки и проползая по вязким лужам. Мы забурились страшно далеко: совершенно непонятно, кому и зачем нужна была эта дорога, ведущая в никуда, но она все плелась и плелась, не кончаясь, и прошло еще не меньше полчаса, прежде чем Нина скомандовала «Стой, кажется, здесь». Мы выбрались наружу.

Чаща вокруг выглядела мрачноватой, но относительно мирной. Где-то неподалеку булькал ручей, до меня доносилось его перекастистое журчание. Редкие солнечные лучи, сумевшие пробиться сквозь частокол спутанных ветвей, блестели на воздушных осенних паутинках; под ногами пружинил толстый матрас из густого мха. Лениво прогудел сонный сентябрьский жук, а где-то вдаль нудно высказывала свои претензии на территорию кукушка. Я хотел было поинтересоваться у нее, сколько мне лет осталось, но застеснялся ребячества и правильно сделал: птица внезапно смолкла, будто испугавшись собственного одинокого крика.

– Ну что же... – задумчиво пробормотала Нина, разглядывая кусты, – уговор такой: брать то, что можно пожарить, заморозить или засушить. Только хардкор. Никаких груздей, сыроежек и прочей дребедени. Я их солить не умею.

Я пожал плечами, откинул в сторону дверцу багажника, выгрузил ведра и выдал жене нож – обычный, перочинный. Мой – настоящий, охотничий, уже лежал за голенищем сапога. Расчехлил ружье, взвесил в руках... – и вместо того, чтобы закинуть за спину, положил обратно в машину. Неохота таскать железо с собой. Лучше всего будет на обратном пути остановиться на той укромной полянке, которую я присмотрел по пути...

Я попросил Нину держаться в зоне прямой слышимости, и мы разбрелись по кустам. Хотя бы в этом я исполнил свое намерение побыть одному. Грибы любят полную сосредоточенность на своих персонах, а не на пустых разговорах с женщинами, каким бы милым это не казалось в другое время.

Сначала мне ничего не попадалось. Срезанной веткой я ворошил прелую подстилку, раздвигал листву кустарников, внимательно изучал корни берез и осинки, особенно тщательно прочесывал вкрапления ельника. Грибы были, они обязаны были быть – я чувствовал это по тому сырому, приятному запаху, знакомому мне, лесному жителю, с раннего детства, да еще по россыпям поганок тут и там. Но все было тщетно до тех пор, пока я не рассердился всерьез на Нину, затащившую меня в эту бесплодную пустыню. Именно в эту минуту я засекаю свой первый подберезовик: некрупный, с крепкой здоровой ножкой, стыдливо прикрывший мокрую шляпку желтеньким листочком. Это был тот успех, который, согласно Св. Матфею, отделяет имеющего от неимущего: восприятие обострилось, глаз нацелился на правильную длину волны, безжалостно игнорируя разноцветный растительный мусор, даже обоняние, кажется, подсказывало мне правильные места. Я перестал слышать хруст подстилки под ногами жены (за нее я не беспокоился: с ее опытом полевой жизни она не пропадет), перестал слышать шум ветра, пение птиц – и, словно умная торпеда, кружащая в свободном поиске, сосредоточился только на добыче. И удача не подвела меня – через час в моем ведре уже уютно лежали три долговязых подосиновика, гроздь опять и даже один белый, не считая первого счастливого подберезовика. На жаркое на двоих должно хватить, хотя явно не дотягивает до того изобилия, что сулила мне Нина...

Бродя между ёлками, я с легкой горечью размышлял о том, что, по-видимому, уже достиг той брюзжащей возрастной стадии, когда пустынное нарушение планов способно испортить весь день. Я все еще злился на жену, и досадовал, что вожденное медитативное благодушие никак не желало наступать. Возможно, дело было в том, что кажущаяся уединенность леса была обманчивой: то тут, то там в нем обнаруживались неопрятные свидетельства человеческой жизнедеятельности. В одном месте моя палка наткнулась на мутную бутылку-чебурашку (клянусь, я не видел таких со времен перестройки), метрах в трехстах от нее я вышел на большую кучу битого кирпича, увенчанную растрескавшейся противогазной маской (кому, зачем пришло в голову переть тонну кирпичей в эту непролазную чащу?) а еще дальше я чуть не провалился в яму – старую, осевшую, но своими очертаниями пугающе напоминавшую могилу. Рядом из земли торчала цилиндрическая железяка, увенчанная заглушкой – по виду, что-то вроде законсервированной скважины, но кому тут потребовалось бурить? Окончательно добила меня здоровенная ржавая труба с полустертými символами «7К» на боку, в которую, если бы захотел, я смог войти, не сгибаясь – она, будто свалившись с неба, лежала в небольшой низменности в окружении давно поваленных деревьев. Вокруг когда-то была жизнь, и ее следы вызывали у меня тревожащее отторжение, так, что хотелось постоянно оглядываться по сторонам. Тухлое все-таки место: сначала заброшенный лагерь, деревня эта убогая и всеми забытая, могильник, а теперь еще и весь этот неожиданный мусор. Расстроенный и несколько взвинченный обилием непонятных артефактов, я решил возвращаться к машине.

В задумчивости я вышел на дорогу и зашагал по влажной земле. Мне казалось, я ушел довольно далеко, но уже через несколько минут я обогнул заросли кустарника и увидел свою Нину. Она суетилась вокруг автомобиля: открыла зачем-то все двери и что-то искала внутри, бормоча себе под нос неразборчивые ругательства. Когда я неслышно подошел, снаружи торчали только ее ноги, все остальное тело скрылось внутри багажника. Не удержавшись, я размахнулся и сочно залепил ладонью по мягкому. Нина заорала благим матом и вывалилась из машины.

– Да ты охерел, что ли?! – сердито завопила она, бешено сверкая темными глазами.

Я немедленно раскаялся и открыл было рот, чтобы принести подходящие извинения, но она неожиданно рассмеялась – как мне показалось, несколько смущенно:

– Все бы тебе баб шлепать... Да помоги же мне встать, шутник хренов!

Я наклонился и протянул ей руку, но она мигом ухватилась за мою шею – да так, что когда мы выпрямились, то выяснилось, что я держу ее в объятьях. Она и не собиралась отцепляться: наоборот, перехватилась покрепче и пристально посмотрела мне в глаза.

– Собрала что-нибудь? – спросил я невпопад.

Она решительно мотнула головой:

– Боровик. Один, в скобках – один... Но поверь мне, это господь боровиков. Толстый, горбатый, непристойного вида... Тебе понравится.

Я хмыкнул.

– Но прости меня, – тут она потупилась, – что заставила тебя ехать тебя в эти перди. В этом сезоне тут действительно на редкость паршивая микрофлора. Я ошиблась. Признаю поражение и отдаю себя на волю победителя...

Ее глаза хитро заблестели, а пальцы забегали по моему затылку.

– Ты что, и в самом деле хочешь здесь? – удивился я.

– Тут не очень приятно, – сокрушенно согласилась она. – Но ничего не попишешь. Придется побыть грязной болотной сучкой.

Сумасшедшая, подумал я, испытав очередной приступ раздражения. Самому-то мне хотелось поскорее покинуть это неудобное местечко. Но это же Нина. И если он вбила себе что-то в голову... скажем так, отказываться не следует.

Моя жена любит изображать похотливую шлюху – при том, что представления о похотливых шлюхах у нее самые наивные. Она полагает высшим пилотажем во время интересного сеанса в кино томно признаться, что не надела трусики, или посреди сытного и пьяного застолья потащить меня в уборную тайком от гостей, или вдруг зарыться мне в штаны, укрыв голову под приборной панелью – и это в то время, когда я пытаюсь припарковаться на людной стоянке. В общем, выбирает для проявления страсти наиболее неподходящие моменты. Кто-то, может, и позавидует, а я более консервативен, и обычно ее задумки – вроде нынешней, вызывают у меня недоумение. Я-то старорежимно полагаю, что лучшее место для любви – это мягкая, спрятанная от всех глаз постель, безо всяких колючих веточек и прочих жучков-паучков. Но Нина пока молода, и ее тянет к экстриму. А я когда-то, еще на заре нашего знакомства, опрометчиво дал себя клятву, что буду подыгрывать ей во всем – лишь бы она не теряла инициативы. Возможно, именно это до сих пор связывает нас, позволяя теплиться взаимному интересу после почти десяти лет семейной жизни.

Впрочем, прислушавшись к себе, я не без удивления обнаружил, что понимаю ее состояние. Всё наше путешествие, и особенно – этот тревожащий лесной хлам, подразумевающий близость недружелюбных местных (а какими еще могут быть откровенно гадающие люди?), наполняли мое собственное тело некой безотчетной опасностью – а та резонировала с той частью подсознания, которая отвечала за странное, колючее возбуждение. Это было необычно. Впрочем, будучи бывалым кабинетным препаратом эмоций, я быстро разложил все по полочкам: несомненно, охватившее меня сексуальное желание было следствием, с одной стороны, геройского бахвальства (как же – оприходовал жену на природе, будет что вспомнить!), а с другой стороны (и имея в виду, что вокруг могут шататься поддатые селяне), – банального атавистического эксгибиционизма.

– Только по-быстрому, – предупредил я. – Раздевайся.

– Хорошо, – покорно вздохнула она, мгновенно переключаясь на новую роль. – А можно курточку оставить? Холодно...

– Нельзя, – коварно отрезал я. – Мы ее на землю подложим...

Признаюсь, мне нечасто приходится видеть свою жену голой. Даже спит она в дурацких пижамах, ссылаясь на походную привычку. Поэтому каждый раз я заново удивляюсь тому, какая она ладная. Даже сейчас, некрасиво вжав голову в плечи и обняв покрывшиеся гусиной кожей локти, она была вполне соблазнительна – от ступней, зябко мнущих тонкую ткань

куртки, до смуглых ключиц. Честно говоря, если бы Нина не ленилась и не пренебрегала своей внешностью, то вполне могла сделать карьеру, скажем, телеведущей – исходные данные позволяли.

Каюсь перед всеми борцами за равноправие полов: мне и в голову не пришло раздеваться самому. Вместо этого я осторожно снял с нее очки (она вздрогнула, но головы не подняла), и развернул спиной к себе. Зная ее вкусы, взял за волосы и стал мягко пригибать вниз, и тут она вдруг заорала страшным голосом, да так, что где-то наверху всполошено метнулись птицы, засыпав нас сухими веточками.

Почему-то я не сообразил сразу ослабить хватку – мне почудилось, что ее то ли кто-то укусил, то ли она сама наступила босой пяткой на шишку, но я растеряно держал ее на месте до тех пор, пока она возмущенно не запищала: «Да пусти же меня, дурень! Смотри, смотри, что там!»

Я испуганно обернулся в сторону кустарника на противоположной стороне дороги – туда, куда было направлено ее лицо. Не знаю, что я ожидал там увидеть, но на первый взгляд, там не было ничего необычного. Нина, наконец, виляя задом, выползла из-под моего локтя, выдернула хвост, и стала, неловко прыгая на одной ноге, натягивать штаны. Пока я застегивался, она вкривь и вкось завершила туалет и, не говоря ни слова, ломанулась, словно коза, через кусты. Я поспешил за ней, недоумевая, что взбрело ей в голову. В несколько прыжков настигнув жену, я встал как вкопанный перед открывшейся мне невероятной картиной.

Параллельно тропинке, по которой мы приехали, залёг мелкий овраг с речушкой на дне – именно ее звуки я услышал, выйдя из машины. Как впоследствии сообщила Нина, этот чахлый ручей носил нежное название “Глазурька”. Бережок, на котором мы встали, был низким, покатым, но склон напротив был крут и высок, словно небольшая гора. В одном месте край оврага обвалился, здоровенный кусок грунта сполз вниз и обнажил вертикальную, словно ножом прорезанную, стену рыжей земли. И на этой поверхности, веками скрытой в глубине, а теперь открытой нам во всех подробностях, ясно виднелись правильные, геометрические узоры и пятна. Это, несомненно, тоже были человеческие следы, но насколько же они отличались от всего мусора, встреченного мною ранее!

Среди торчащих волокон корней, ниже полосы дерна, на земляном срезе проступал квадрат, выложенный трухлявыми бревнами. Внутри него поместился такой же рассыпающийся треугольник из досок, поставленный острым углом вниз. В широкой части этой фигуры, выступающей наружу, громоздилась ребристая вытянутая туша с оскаленной мордой и задранными вверх мослами костей. Под ней скорчилось антропоморфное тело с ясно различимыми очертаниями черепа в остроконечной шапке и заломленных рук, обернутых истлевшими тряпками. Мелкие выступы и провалы земли, расположенные в том месте, где полагалось быть лицу, предавали ему непередаваемо жуткое – и в то же время зловеще-комическое выражение. Так мог бы выглядеть рисунок любимой учительницы, выполненный первоклассником, если на нем хорошенько потоптаться грязными сапогами и повесить в темной комнате вниз головой. Признаюсь, меня передернуло от этого зрелища. А после еще и замутило.

Нина же светилась счастьем. Она прямо-таки излучала в пространство восторг от своей находки, и чуть не подпрыгивала на месте. «Боже мой, охренеть» – страстно шептала она.

– Что это за фигня, скажи на милость? – с отвращением спросил я, испытывая непреодолимое желание уехать отсюда к чертовой матери.

Когда Нина чем-то довольна, она становится снисходительно-болтливой. Вот и сейчас она опять взяла менторский тон:

– Это, мой обширно, но увы, поверхностно образованный супруг, курган Енисейской культуры. Если ты сможешь перебраться мне на тот берег, то скажу более определенно, но предварительно – захоронение аринов. Они полностью исчезли с лица земли еще триста лет

назад – и, заметь! – до сих пор их следы никогда ранее не обнаруживали так далеко к западу. Ты понимаешь, какое это сокровище?

– Допустим... А что это за динозавр сверху?

– Конь, конечно. Древние предпочитали хоронить людей вместе с имуществом.

– Конь? А зачем ему, в таком случае, рога?

– Затем, глупый, что это не рога, а торжественная оленья маска. Им, беднягам, очень хотелось кататься на оленях, подобно их северным предкам. Но в наших широтах у оленей, э-э... неурожай. Если ты не в курсе.

– А почему всадник под лошадь? Свалился?

– Ну, во-первых, не всадник, а всадница, – увлеченно принялась разъяснять Нина. – Это же девушка. Видишь зеленые пятна по бокам от головы? Это остатки бронзовых сережек. Такие носили только незамужние женщины – тем, кто обзавелся суженым, полагались дорогие, железные. Видимо, это была девочка знатного рода (если судить по лошади), безвременно погибшая... И именно поэтому она снизу.

– Снизу?

– Да. Когда ее хоронили, то привязали к седлу лошади, а потом перевернули всю конструкцию вниз головой и опустили в клеть. Для этого нужны были вот эти сужающиеся опоры – чтобы все не развалилось по ходу пьесы. Видишь ли, арины того периода были весьма преуспевающим и технически продвинутым народом, и все продумывали заранее.

– А когда это было? – проявил я вялый интерес.

– Опять же, могу наврать, но навскидку – начало первого тысячелетия нашей эры. В Европе уже происходил закат античности, а здесь – все еще бронзовый век...

Здесь я, наконец, начал проникаться значением момента. Я трепетно отношусь к времени, чувствую его, и сейчас с легкой дрожью ощутил, как на меня смотрит бурыми глазами чужая, немыслимо далекая древность. Почтительно подняв бровь, я решил уточнить:

– Так зачем, ты говоришь, ее перевернули?..

– Честно говоря, никто толком не знает. Одни гипотезы... До сих пор найдено три более-менее приличных захоронения этой культуры, и в двух из них всадники в нормальных позах, ничего особенного. Третий был похож на это, – она кивнула на курган. – Молодой, богатый мужчина, возможно, вождь племени или, скорее, наследник этого самого вождя. И его тоже закопали вниз головой. Любому студенту-двоечнику очевидно, что это какой-то магический ритуал, а не просто неуважение к мертвому – иначе вряд ли перед захоронением его стали так нарядно и с почтением украшать. Но что это за ритуал, никто не мог понять. И вот пару лет назад, мой коллега из Красноярска наткнулся на занятное предание, которое ему поведала одна хакасская бабуля. Сам понимаешь, писать тогда не умели, поэтому приходится довольствоваться устными пересказами... В легенде говорится, что пятьдесят вьюжных тюменов назад (из чего можно заключить, что эти основательные люди простирали свою историографию аж на полмиллиона лет, что, согласись, перебор), в одном стойбище был великий воин, в одиночку оберегавший свой клан от разнообразных напастей. Далее идет бесконечное перечисление его подвигов, заключавшихся в победе над всякой нечистью, вроде медведя с гусиной головой, но это к делу не относится. В конце концов, воин пал смертью храбрых в сражении с очередным мутантом, а все родственники остались без защиты – что их, разумеется, не устраивало. Тогда местный шаман провернул хитрый фокус. Он знал, что духи внимательно наблюдают сверху за жизнью людей и после смерти забирают их к себе, в небесные уголья. И теоретически, к ним можно напроситься на переговоры и убедить вернуть нужного человека назад. Проблема, однако же, состояла в том, что духи Верхнего мира несговорчивы и как бы трансцендентны, чтобы к ним попасть, нужен специальный допуск. А наш шаман специализировался на Нижнем мире – то есть работал по духам охоты, скотоводства и прочих прикладных вещей, намного более востребованных в окружающем его кочевом обществе. И шаман решил так: духи смот-

рят на человека сверху и забирают его наверх же. Если человека перевернуть, то его увидят духи Нижнего Мира и заберут к себе. А уж с ними всегда можно договориться... И он велел похоронить воина вниз головой.

– Веселенькое дело... Значит, те, кто закопал эту дамочку, хотели ее оживить? Сделать из нее, так сказать, зомби?

– Ты так спрашиваешь, будто я сама ее хоронила и знаю, что творилось в их бедовых древних головах. Хотя ты прав, можно предположить, что несчастная девочка умерла раньше назначенного срока – я же говорю, она совсем юная, – и родные решили исправить такую несправедливость.

– Кажется, у них это не особо получилось – раз она по-прежнему торчит в земле...

– Э-э, душа моя, тут вопрос спорный. Духи могут вернуть человека в другое тело, причем не при новом рождении, как у индуистов, а просто в произвольное из числа ныне населяющих Срединный мир. Другая хакасская легенда гласит, что лучшие люди племени после смерти иногда приходили назад в другом обличье. Только все это ерунда.

– Да правда, что ли? – усмехнулся я.

– Опять твоя ирония мимо кассы. Я имела в виду, что предания хакасов никак не могут пролить свет на загадки аринских курганов.

– Почему?

– Да потому, что они хоть и пересекались, но были совсем разные. Хакасы – пришлые турки, с развитой шаманской культурой. А арины – коренные енисейцы. Между прочим – родственники американских индейцев. И они были чистыми анималистами. У них не было шаманов и вертикального градиента миров, понимаешь? Поэтому им было до фени, какой стороной закапывать своих мертвых...

Я не нашелся, что на это сказать, и промолчал. Зрелище трупа, застывшего в толще земли, уже не вызывало у меня отвращения, оно, скорее, будило печаль. Мне стало жалко тех наивных людей, которые, наверное, всей душой желали, чтобы их девочка ожила, и не дождались ничего – тем более, что и сами они были уже так давно мертвы, что эта случайная могила осталась единственным следом их короткого существования.

– Так странно, – вдруг криво улыбнулась Нина, – но это дурацкое поверье о перевернутом покойнике оказалось чрезвычайно живучим. Ты знаешь, что в некоторых окрестных селах – ну, которые совсем в глухомани, – до сих пор есть никак не мотивированная традиция хоронить детей лицом вниз?

Я вздрогнул.

– Да, – медленно сказал я. – Представь себе, знаю.

К сожалению, знаю.

...Перед моим взором ступила картина: грязные комья земли, ливень, шеренга дядьев, зятьев, сватьев и кумовьев, одетых в одинаковые серые сорочки и выстроившихся вдоль немудрящего тесаного гроба – все с бесстрастными, неподвижными лицами, темные морщинистые пальцы цепко держат края мокрого погребального полотенца, в изголовье – мать в инвалидной коляске безмолвно подняла простоволосую голову в тусклое небо; и в этих невыносимых декорациях аляповатым пятном смотрится главное действующее лицо, хотя лица-то и не видно – покойница, наряженная в кричаще цветастое платье с розами, ромашками и кокетливыми фиолетовыми пуговками на открытой всем взглядам спине, с дрожащими кудрями на бледной шее, выглядывающей из-под черного платка... И я – набыченный, с опухшим лицом, сведенным злой ухмылкой, шатающийся то ли от ветра, то ли от выпитого, пытаюсь пережить этот бред...

Мне пришлось бешено замотать головой, чтобы отогнать это невозможно гнетущее видение. «И не только детей...» – пробормотал я под нос, но, к счастью, Нина не услышала меня – она уже ускакала обратно в кусты и шумно хлопала дверьми машины.

– Макс! – заорала она. – Иди сюда скорее, хватит разглядывать древних девок!

Я повиновался, не без облегчения оставив за спиной тоскливый курган и его мертвую обительницу. Нина уже собралась и восседала на своем месте в полной готовности, улыбаясь до ушей.

– Спасибо тебе, мил человек, что твердой десницей обратил мой взор в нужную сторону, – дурачилась она. – Без твоей помощи великое научное открытие осталось бы погребенным во тьме веков. Я упомяну твою направляющую роль в своей Нобелевской речи... Слушай, поехали уже скорее, а? Мне надо срочно связаться со своими в институте, а тут не ловит ни хера...

– Да... Пора, – тяжело кивнул я, чувствуя себя страшно, невероятно усталым.

Обойдя автомобиль, я закинул в багажник полупустое ведро с невзрачным уловом и наткнулся взглядом на сиротливо валявшуюся винтовку. Не довелось в этот раз пострелять, ну и хрен с ним. Хотелось как можно скорее домой, подальше от этого жизнерадостного леса, будь он неладен. Я взял ружье, чтобы упаковать в чехол, машинально шелкнул затвором, и тупо уставился на выскочивший наружу патрон.

Вот же я осёл – забыл разрядить оружие с прошлого раза. Так и проехал с ним всю дорогу, растяпа. Налицо, граждане, вопиющее нарушение техники безопасности. Судить меня мало.

Узда первая: Эльза

Воскресенье. Минута дурной славы. Кровиночка.

На следующий день (дело шло к обеду) я стоял, наряженный в галстук, у крохотного столика посреди книжного магазина, и неловкими руками перебирал разложенные бумаги. Мне предстояла первая в моей жизни – если не считать защиты диссертаций – презентация собственного литературного труда. Поджилки у меня отчетливо тряслись.

Собралось уже человек пятнадцать молчаливых, разбредшихся по уголкам читателей, и больше, кажется, не предвиделось. Многих присутствующих я знал в лицо и лично приглашал поучаствовать в массовке, соблазняя бесплатной раздачей книжек и кофе с булочками. Выданная мне в издательстве тетка-менеджер как раз суетилась у арендованного бойлера с кипятиком. Со специально выделенного стульчика ангельски улыбалась пухлым ртом ангажированная журналистка из местного глянцевого журнала, а продавцы магазина попрятались между стеллажами и мрачно поблескивали оттуда глазами – на время мероприятия они лишились покупателей и не могли выполнять план. Стараясь не думать о плохом, я выпрямил голову и покашлял, сообщая менеджеру о том, что готов. Та с ходу взяла быка за рога:

– Дорогие друзья! – заголосила она базарным тоном в микрофон, неведь зачем понадобившийся в этом тесном помещении. – Сегодня в культурной жизни нашего города происходит знаменательное событие. Немало сибирская земля зажгла на русском литературном небосводе ярких, самобытных звездочек-писателей. И вот, в плеяде наших родных, народных авторов насупило долгожданное прибавление. Встречайте – писатель Максим Друзь и его новый роман «Четыре буя»!

Я позорно покраснел, хотя моя бледная нордическая физиономия мало к этому приспособлена – то ли от передозировки клише в речи тетки, то ли от того, что меня прилюдно обозвали писателем.

– Чтобы сделать нашу встречу максимально плодотворной, мы решили устроить ее в виде блиц-интервью. Модератором любезно согласилась выступить блистательный искусствовед Снежана Мышкина, – менеджер указала на ангельскую блондинку, – но вопросы могут задавать все желающие. Прошу вас соблюдать вежливость и уважение друг к другу, а также сообщаю, что раздача автографов и булочек будет производиться только после презентации. Ну что, друзья, поехали?

Я мысленно перекрестился и постарался сделаться ниже ростом. Снежана включила запись на телефоне, украшенном стразами, и приглашающе обвела взглядом безмолвствующее собрание. Не дождавшись горячих проявлений читательского интереса, она вздохнула, сложила бровки домиком, и задала вопрос сама.

– Скажите, Максим, – промурчала она, – почему у вашего романа такое странное название? Насколько я успела заметить, – она заглянула в блокнотик, испещренный каллиграфическими записями, – в книге нет ни слова на морскую или флотскую тематику.

– Потому что издатель не пропустил авторский вариант, – я кивнул на свою опекуншу, которая с преувеличенной комичностью развела руками. – Из цензурных, так сказать, соображений.

Журналистка несолидно прыснула и продолжила:

– Откройте нам тайну. Как вы пришли к выбору постконцептуального неоромантизма в качестве магистрального направления в своем творчестве?

Я только крякнул. Насколько я понимаю работу интервьюера – со своего дилетантского дивана, конечно, – первые несколько вопросов служат для того, чтобы клиент успокоился, раз-

говорился, потерял осторожность и не побоялся ляпнуть лишнего. Очевидно, предполагалось, что на этот вопрос я отвечу без труда и с удовольствием. Но я и понятия не имел, клянусь, что мои частушечно-просторечные, нарочито грубые тексты написаны в таком мудрёном стиле. Надо было выкручиваться, и я решил подпустить цинизма – в надежде, что кривая вывезет.

– Э-э-э... Отвечу так: можете считать меня дельцом от литературы. Я пишу в той области, где меньше конкуренции.

– Меньше конкуренции, вы говорите? Сомневаюсь. Как же Пригов, Рубинштейн? Сорокин, наконец?

– А с каких это пор у вас Сорокин заделался романтиком? – удачно ввернул я обраточку. – Да и вообще, кто их сейчас читает, кроме кучки интеллектуалов и вас, критиков? А мне хочется писать для более широкой группы читателей.

– Поэтому в ваших произведениях так много матерной брани и эротики?

– Не только брани. Видите ли, у меня потребительское отношение к художественной литературе. Я убежден, что она выполняет в первую очередь развлекательную функцию. Книга должна быть интересной, увлекательной, приятной для чтения. А что это значит? Это значит динамичный сюжет, много действия, понятные характеры, и – да, вы правы – юмор, секс, приключения... Тогда книгу прочтет много людей.

– Вам не кажется, что такой примитивный подход может оскорбить ваших читателей?

– Да какая разница, примитивный или нет. Вряд ли человека, захотевшего провести вечерок с книжкой, интересуют демонстрация моего персонального мировоззрения. Главное – чтобы покупали, ведь так?

– Удивительно. Какого вы все-таки невысокого мнения о потребителях вашей, так сказать, продукции...

– Что вы, напротив. Я забочусь о них. Просто мне кажется бесчеловечным заставлять обитателя современного мира и без того перегруженный мозг во время чтения – разбираться, к чему эта фраза, и имеет ли она отношение к крохотному эпизоду, проскочившему десять глав назад... Не во времена Достоевского живем, к счастью. Пусть задумается после, отложив книгу! Так я считаю.

Проклятая журналистка сокрушенно покачала красивой головкой, словно призывая аудиторию в свидетели моего падения, а затем снисходительно сменила гнев на милость:

– Впрочем, есть у вашего романа и достоинства. Например, ваша отсылка к трагической судьбе Румяновой действительно заставляет пустить слезу.

Девушка сделала паузу, ожидая реакции на комплимент. Я позорно растянул одеревеневшие губы. Кто такая Румянова, я не знал.

– Это, конечно, да, – осторожно заметил я, – однако мне кажется, что значение аллюзий и вообще всяческого символизма в отечественной литературе слишком преувеличено.

– Разве? – холодно задрала она бровь.

– Ну да, – заверил я, пытаюсь съехать с непонятной мне темы. – Знаете, все эти школьные мучения: что, дескать, хотел сказать автор, когда описывал зимний лес... По-вашему, откуда все это идет?

– Просветите нас, – насмешливо разрешила она.

– Это все от проклятого царизма, – вдохновенно понес я. – Дело в том, что русская литература сформировалась в условиях непрерывной цензуры и репрессий. Писателям приходилось осваивать эзопов язык раньше дееспричастных оборотов, а читателям – учиться высискивать двойное и тройное дно между... э-э-э... строк. Так и повелось. Теперь от этого уже не отмоешься. Любая ерунда, вроде детской сказочки о том, как зайчик пришел в гости к снежинке, воспринимается как социальный памфлет, пересыпанный глубинными смыслами... Уверяю вас, все гораздо проще. Когда я пишу, что зайчик был серым, то имею в виду только его

цвет по случаю летнего времени года. Ничего автор не имеет сказать, кроме того, что написано прямым текстом, ни-че-го... Понимаете?

– Как же в таком случае серый летний зайчик смог прийти в гости к снежинке? Она бы растаяла летом, не так ли? Вы просто кокетничаете, отрекаясь от собственных метафор.

– Они встречались в холодильнике, – мрачно предположил я. Кто-то из присутствующих натужно хрюкнул.

– О том и речь! – многозначительно подытожила она дискуссию и перешла к другим вопросам.

– Какой же вы видите вашу, с позволения сказать, целевую аудиторию?

– Ну, – прикинул я, – думаю, это молодые люди... Скажем, от четырнадцати до двадцати четырех. Собственно, том возрасте, когда я сам формировался как читатель. Кажется, – я усмехнулся, – после двадцати четырех я не прочел ни одной новой книги. Хотя это сложно, конечно, ставить себе в заслугу.

– А что случилось с вами в этом возрасте, если не секрет?

– Ну как. То же, что и со всеми остальными. Свободная жизнь закончилась, началась трудовая и м-м-м... семейная. Хотя по-настоящему женился я, все-таки, позже...

– Раз уж вы сами затронули эту тему, – медово улыбаясь, произнесла Снежана, – то предлагаю вернуться к искусству позднее, а пока что поговорить о другом. Преданные читатели нашего замечательного журнала чрезвычайно интересуются вашей личностью. Скажите, чем вы занимаетесь в свободное от творческих занятий время?

– Я преподаватель в институте.

– Вы женаты, у вас есть дети?

– Детей нет, но есть рыбки в аквариуме...

Следующий вопрос заставил меня изумленно задрать брови:

– В вашем романе есть сцена, где вы в натуралистичных деталях описываете гомосексуальную связь. Вы базируетесь на собственном опыте? – чертова блондинка явно решила отправить меня в нокдаун.

– Нет, что вы, – вежливо ответил я, – это всё художественный вымысел.

– Скажите, а правда, что ваша жена погибла при загадочных обстоятельствах?

Вот сука, подумал я.

– Вы знаете, я бы не хотел настолько погружаться в обстоятельства своей личной жизни.

– И всё же? Вам ведь пришлось провести некоторое время под следствием, так?

– Ни под каким следствием я никогда не находился. А обстоятельства были самими обыденными... – тут мне в голову запоздало пришла спасительная мысль. – К тому же, откуда вы вообще взяли эту чушь? Моя жена жива и здорова, слава богу.

– А почему она не пришла вас поддержать?

А кстати, почему?.. – задал я себе тот же вопрос.

– Простите, – сказал я, стараясь быть максимально корректным. – Не затруднит ли вас напомнить, какое издание вы представляете в настоящий момент?

Выражение лица журналистки сменилось на обиженно-недоумевающее. Она приподнялась и достала из-под задницы журнал, на котором, оказывается, сидела.

– Вот, – она продемонстрировала мне обложку с фотографией хохочущих толстогубых мужчин и названием «Звездная болезнь». – Вас что, не предупредили?

– В таком случае, – вымученно улыбнулся я, не обращая внимания на страдальческие глазки менеджера и тоскливые лица остального собрания, – не могли бы мы назначить отдельное время для интервью? Я готов приехать к вам в редакцию. Боюсь, сегодня я несколько не готов к такому разговору.

Блондинка скривила хорошенький ротик, и ее тут же оттеснила в сторону бронебойная издательская тетка.

– Еще вопросы будут? – спросила она у аудитории, и от ее голоса повеяло угрозой.

– Скажите, уважаемый! – тонко выкрикнул кто-то из-за спин. – Почему у ваших героев такая ублюдочная мотивация?

Менеджер негодуя зашикала в микрофон, но я примирительно поднял руки.

– Может быть, потому, – пожал плечами я, – что все они сумасшедшие?..

На этом официальная часть экзекуции завершилась и дальше пошло веселее. Людям, которые подходили к столику, ничего не было от меня нужно: они просто коротко благодарили, получая свою книжку, и перемещались к столику с угощением. Последней передо мной очутилась женщина, которую я приметил заранее: вызывающе красивая, яркая, с легким восточным акцентом, придававшим стремительную резкость правильным чертам лица. На нее сложно было не обратить внимания: в декорациях этого засушливого бумажного гербария она смотрелась огненным хищным цветком. На протяжении всего действия она держалась отдельно от всех, неподвижно, прямо поставив длинные худые ноги в ажурных чулках, и издали глядя на меня пытливым прищуренным взглядом. Рядом с ней присутствовал длинный, абсолютно лысый персонаж сюрреалистичного, даже инопланетного вида. Я не сразу смог понять, что с ним не так, но потом меня осенило: несмотря на очевидно юный возраст, на голове существа не было не только волос, но даже бровей и ресниц.

– Здравствуй, Максюша, – мелодично произнесла женщина, и сердце мое тут же сжалось в ледяной комок и безвольно оборвалось вниз. Теперь я узнал ее.

Проблема в том, что у меня отвратительная, куриная память на людей. Стоит мне пообщаться с человеком, как я мгновенно забываю, как он выглядит, и, что хуже – как он двигается, как он говорит, интонирует, жестикулирует... Остается только эмоциональный образ – вот этот коллега нудный, тягостный, не стоит с ним больше встречаться, а вот эта барышня приятная, воздушная, с ней и поболтать можно при случае. А тут... Полтора десятка лет прошло. Или больше?

– Здравствуй, Эля... – медленно ответил я, мысленно намечая, где в зале находятся запасные выходы.

Эля, Элечка, Эльза – моя детская беда, моя первая зубодробительная любовь, мимолетное несносное счастье и многолетний посттравматический синдром. Мы познакомились с ней на одной из множества пьяных вечеринок, которыми была так богата моя молодость. Родом она была откуда-то из-под Оренбурга, и в нашем городе оказалась по распределению после мединститута. Она была старше меня на пару лет, уже успела развестись, и вообще была самостоятельной девушкой – имела собственную (отбитую у несчастного мужа) однокомнатную квартиру на окраине и настоящую, хоть и нелюбимую, работу в каком-то офисе. Честно сказать, до сих пор не знаю, почему она мной заинтересовалась. Возможно, потому что я – задроченный веснушчатый очконавт из интеллигентской семьи – был ее полной противоположностью. Она же сразу утопила меня в своем бешеном уральско-татарском темпераменте. Мне казалось тогда, что она – хрустальный обитатель праздничного, кислотного, приторно-сладкого мира, знакомого мне только по телевизионной светской хронике, да по декадентским романам девяностых. Там, где появлялась Эльза, звучала оглушительная музыка, в потолок летели пробки шампанского, гремел веселый хохот, девушки в алых чулках танцевали на шесте, легкомысленные мужчины раскатывали на спортивных автомобилях, а зеленые бумажки сами скатывались в трубочку на белоснежных унитазах бачках. Было и другое: неистовые истерики, изнуряющая ревность, ежедневные допросы, скандалы с битьем посуды, а равно и битьем в кровь мнимых поклонников (чаще наоборот). Сейчас даже день такой сорванной с резьбы жизни, кажется, привел бы меня в койку психоневрологического пансионата, а тогда я продержался два невообразимых года... Может быть, потому, что Эля, без всяких оговорок, была самой красивой женщиной из тех, к кому я имел честь прикасаться. А скорее просто потому, что все эти два года мы пили, как лошади, каждый день. И каждую ночь. Однажды мы решили

(разумеется, она решила) больше не пить, и через неделю наши отношения разлетелись, как осколочный снаряд, угодивший в пивную лавку – причем звон от этого события до сих пор стоит в моих контуженных ушах.

Мы очень несчастливо доживали вместе последние месяцы перед концом, омерзительно некрасиво разошлись, и теперь, когда Эльза – казалось бы, забытая и герметично зацементированная в самом глухом подвале моего сердца, – снова возникла передо мной, оказалось вдруг, что весь тот первородный ужас, который олицетворяло ее существо, до сих пор жив во всей своей тошнотворной свежести. Ее появление однозначно не сулило ничего хорошего.

– Как твои дела? – холодно осведомилась она, испытывая, по всей видимости, схожие чувства.

– Да вот, как видишь... – я глупо повел руками вокруг.

– Да, – усмехнулась она. – Я всегда знала, что ты будешь знаменитым. Мог бы и позвонить, рассказать о своей славе. Мы же договорились быть друзьями, ты не забыл?

Я неопределенно кивнул, испытывая сильнейшее желание провалиться к чертям свинячьим.

– Впрочем, что я могла от тебя ждать. – продолжала она. – Слава богу, нашлись добрые люди, прислали ссылку на твою встречу. Вот мы и пришли посмотреть, какой ты стал...

– Какие добрые люди?... – спросил я, хотя этот вопрос, без сомнения, занимал последнее место в ряду интересующих меня вещей.

Эльза вздохнула и обратилась к своему спутнику:

– Познакомься, Эльдар. Это твой папа, Максим Викторович Друзь. Я тебе про него рассказывала. Максим, это твой сын. Когда мы расстались, я была беременна.

Я обалдело открыл рот. Лысый Эльдар вежливо поклонился и сказал высоким, но совершенно бесцветным голосом:

– Добрый день, Максим Викторович. Рад знакомству с вами.

– У мальчика тотальная алопеция, – сочла нужным официально уведомить Эльза. – Нечего на него так пялиться. Это и твои гены тоже.

– Эльза, я же просил... – внезапно прошипел Эльдар, потеряв весь свой бесстрастный лоск, но мать оборвала его, просто подняв ладонь вверх. Не знаю, что это означало, но бедный юнец от невинного жеста рефлекторно вжал в плечи гусиную шею. Интересные у них, видать, отношения – он ее по имени, а она...

Я, наконец, совладал с эмоциями.

– Но почему ты не сказала мне раньше?..

– Ты издеваешься? Ты оторнул мою любовь, ты бы отказался и от ребенка. Ты же бросил меня сам, разве нет?

Ясно было, что она загодя взвинтила себя, но пока еще могла контролировать разговор. Приемчики из знакомого арсенала: бросить заведомо ложное утверждение, а сразу за ним – очевидный вопрос, на который мне оставалось ответить только положительно. В разговоре с Эльзой я всегда чувствовал себя этаким клоуном, который едет по канату на моноцикле, удерживая на задранном кверху носу тросточку. Одно неверное движение, и вся конструкция обрушится в тартарары. Сейчас, продолжая эту метафору, мой центр тяжести уже вышел за пределы опоры: в чудесных глазах Эльзы появился опасный блеск. Близилась хорошо известная мне вторая фаза развития скандала, а ведь была еще и третья, терминальная. Боже мой, словно вчера все это было...

– Что же ты теперь от меня хочешь?.. – бестактно ляпнул я, и это было ошибкой.

– Слава Богу, мне ничего не нужно от такого... слабака, как ты, – презрительно бросила она. – Ты что, дружок, совсем на старости лет отупел? Решил, что я приползу к тебе на коленях о чем-то просить?!

Удивительно, как больно резанули мое самолюбие эти примитивные оскорбления. Это была Эльза, господа, она точно знала, куда бить. И, конечно, это были мои застарелые эмоциональные рефлексы, которые намертво въелись в мозг, как у побитой жизнью собаки Павлова. С невероятным трудом мне удалось подавить накатывающую ярость.

– Ну-ну, Эля... Перестань, прошу тебя, – сказал я самым мирным тоном, на который был способен. – Перестань, в конце концов, немедленно...

Это никогда не работало, но все случается в первый раз, и – о чудо! – она вдруг улыбнулась. Пусть саркастично, пусть криво – но все-таки ее губы, сочно покрашенные алым, дрогнули, сообщая, что гроза откладывается. «Перестань немедленно» было нашей шутиливой стоп-фразой в те невообразимо далекие времена, когда мы еще могли говорить о каком-то счастье.

Завибрировал телефон. Я мельком глянул на экран, мысленно матерясь. Только этого сейчас не хватало – Нина!

– Ответь, ответь – разрешила Эля, которая улыбалась уже вполне невинно, – мы подождем.

Чувствуя недоброе, я нажал на прием.

– Привет хеменгуэям! – жизнерадостно заорала трубка. – Ну, рассказывай! Как все прошло?

– Нормально... Жаль, что ты не пришла, многое пропустила, – промямлил я, а сам подумал: какое счастье, что тебя тут нет.

– Ах да, снова прости, что посмела у тебя отпроситься. Тут такое шапито завертелось из-за нашего кургана, ты бы знал! Весь институт на уши встал, даже директор сорвал свою почетную жопу с кресла и побежал искать деньги на экспедицию...

Она щебетала о том, какое важное открытие я сделал для науки, схватив ее за волосы, и что это захоронение, как уже говорят разные фантазеры, возможно, часть целой полосы некрополей, простирающейся на много километров вокруг, а я думал, не слушая: говорить или нет? Как-то неправильно сообщать собственной жене о нечаянно обнаруженном ребенке по телефону, не так ли?.. Нет уж, отложим разговор до вечера.

– Ладно, – громко сказала вдруг Эля, наклонившись так, чтобы ее заведомо услышали все, кому надо и не надо, – Эльдару пора обедать, у него режим. Мы будем в кафе за углом, а ты – как хочешь.

– Кто это там у тебя? – поинтересовалась Нина.

– Да так, знакомых встретил... – постыдно соврал я, так ничего и не решив. – Слушай, я перезвоню. Пока.

Нажимая на отбой, я видел краем глаза, как Эля снова улыбается, на сей раз – с самым победным видом. Ох, ну и стерва!

– Эльза, постой, прошу тебя, – фальцетом напомнил о себе мальчик. – Максим Викторович, а можно мне тоже получить авторский экземпляр? – он кивнул на книги, которые я уже начал складывать в коробку. – Для... э-э-э.. souvenir. То есть для воспоминания о нашей встрече.

– Да-да, конечно... – опрометчиво начал я, да так и застыл с книгой в руке. Простые расчеты навели меня на мысль, что парню нет и шестнадцати. Что бы я там не плел про то, что пишу для молодых людей, но, право слово, не настолько же!

– Максим! – тут же вспыхнула Эля, мгновенно прочитав все по моему лицу. – Эльдар взрослый человек! Пусть он узнает своего отца целиком, со всеми теми мокрыми гнусностями, что ты там себе напридумывал!

О Боже, Боже...

* * *

– Элик – гений, настоящий вундеркинд, – воодушевленно вещала Эльза, двумя ухоженными, длинными, чуть вздрагивающими пальцами беря ломтик картошки. – Он закончил школу в двенадцать с половиной. С медалью, конечно. С двумя медалями. Сейчас по индивидуальной программе уже учится на третьем курсе математического бак-лан-о-вриата... (в этом слове она явно запуталась) Преподаватели от него в восторге. Ты будешь им гордиться. Говорят, у него потрясающие аналитические способности. И, представь себе, им уже интересуются там, – она многозначительным жестом подняла картошку вверх. – Он написал письмо в одну спецслужбу (я помогла, конечно, он тогда был еще совсем дитя), и его пригласили на стажировку! И даже дали свой кабинет, хотя он, конечно, достоин большего...

Юное дарование в этот момент с детской непосредственностью уминало огромный трехслойный гамбургер, роняя капусту. Я с некоторым злорадством ждал, когда этот гений посадит пятно майонеза на лацкан своего отутюженного костюмчика.

Стыдно признать, но я не испытывал никаких особенных эмоций по поводу неожиданного обретения наследника. Во-первых, я еще не поверил до конца, что это мой ребенок. От Эльзы всего на свете можно ожидать, так что подождем подробностей. Во-вторых, он и не был похож на ребенка – здоровенный мосластый лось, при том, что его зловещая безволосость добавляла ему, как ни странно, солидности. Он явно выглядел самодостаточным и ничего от меня не требовал. Впрочем, Эля тоже пока ничего не требовала, хотя, зная ее склонность к изощренному коварству, следовало быть настороже. Но я, наивный, уже почти усypил свое беспокойство – все же хорошо, верно? Я держался, кажется, молодцом, был в меру приветлив, предупредителен, не допускал заносов на поворотах, и мы втроем стали уже почти приятелями. Люди, особенно женщины, склонны меняться с возрастом, по мере того как стихает буйство гормональных бурь – и, быть может, Эльза все же обычный человек, а не та чудовищная зубастая сирена, которую мне подсовывает память?

– Мамап преувеличивает, – серьезно пояснил вундеркинд, без урона разделившись с бургером и промокнув губы салфеткой. – Хотя, Максим Викторович, я действительно несколько причастен к государственному статистическому наблюдению. Пока что мне доверяют данные, находящиеся в открытом доступе, это моя дипломная работа... Вот, возьмите, пожалуйста.

Он протянул мне визитку. Эльдар Артурович Исмаилов, аналитик 2-й категории... Адрес электронной почты, телефон, учреждение не указано. Так, фамилия по матери, это понятно, а вот что это за Артур такой?..

Эльза вновь мгновенно считала мои сомнения.

– Человек, который усыновил Эльдара, уже покинул нас, – пояснила она звенящим от трагизма голосом.

«Не удивлен» – язвительно подумал я, и тут же устыдился, когда она добавила, помолчав:

– Выбрав для этого совершенно неподходящий момент. Для Элика это оказалось большим потрясением, он очень переживал. И тогда я решила, что, если он познакомится с настоящим отцом, это будет утешением. Тем более, что ты теперь, слава Богу, производишь впечатление нормального человека...

Я не нашелся, что на это ответить, и предпочел сменить тему:

– Послушай, Эльдар... – я впервые обратился с нему напрямую, – а ты не мог бы перестать меня называть по имени-отчеству? Гораздо лучше будет... э-э-э... нет, я, конечно, не настаиваю на... но, скажем, просто Максим?

Эльдар наклонил голову, задумавшись.

– Это преждевременно, – наконец, заявил он. – Но, Максим Викторович, мне бы в самом деле хотелось показать вам свою работу. Может быть, вы найдете время, чтобы совершить ознакомительный визит?

– Конечно, конечно... Разумеется, – в который раз за этот день проявил безволие я. – Это было бы очень интересно.

– Отлично! – обрадовался Эльдар. – На карточке не написан адрес, потому что его нельзя давать всем подряд, но вам можно. Я сейчас пришлю вам письмо со схемой проезда.

Не откладывая в долгий ящик, он вытащил здоровенный, как офицерский планшет, телефон, и забегал пальцами по экрану.

– Ну давай, – вздохнул я. – Моя почта...

Эльдар жестом остановил меня и улыбнулся краешками тонких губ.

– Максим Викторович, ни слова больше. Я же специалист по электронным данным, и мне не составило труда заранее выяснить адрес вашей почты. К тому же он просто выложен на сайте деканата... Проверьте, дошло ли?

Я нехотя полез в карман. В почте болталось два письма. Одно – от Эльдара, с ссылкой на карту какой-то промзоны на окраине города. Другое сначала показалось мне мешаниной из символов, мусором, который остается от текста, когда слетает кодировка, но, присмотревшись, я прочел с нарастающим недоумением:

*«МАКСИМ ВИКТОРОВИЧ – ПРОСИМ ВАС ОТМЕНИТЬ СЕГОДНЯШНИЕ МЕРТОПРИ-
ЯТИЯ И НЕ ПОКИДАТЬ КВА Ч!*

*– ВАС%ДЁТ СМРТЕЛЬНАЯ БЕДА
ОНА ЗА ВАШЕЙ СПИНОЙ".*

Я резко обернулся, чуть не опрокинув стол. И конечно, там ничего не было – только столики кафе с мирно поглощающими мороженое людьми, да панорамное стекло, за которым виднелась улица с прогуливающимися пешеходами. Эльза, саркастически задрав бровь, наблюдала за моими судорогами. Эльдар несмело улыбался, не понимая, что происходит.

Что за идиотские шутки! Я нервно пожал плечами и вернулся к письму. Отправлено сегодня в 4:13 утра, адрес незнакомый, дурацкий – magus@lupuzda.ru. И как это, черт меня дери, прикажете понимать?..

Понедельник, сентябрь. Первый звонок. Манипуляции.

Люблю понедельники. Люблю первое сентября. А тут все вместе, красота!..

Что за нечеловеческая, извращенная любовь – спросите вы, и будете правы, если вы клерк, собирающийся мутным будничным утром на службу, или школяр, которого после вольного лета загоняют по этапу в учебное заведение. Но мой случай иной, и, как мне не жаль остальное население планеты, уникальный. Дело в том, друзья, что я недавно обрел свободу. Я могу послать работу к чертовой матери в любой момент, и не делаю этого лишь из соображений внутренней дисциплины. А школу и университет я покинул так давно, что мне, наконец, перестали сниться сны о том, что я сижу за партой с прыщавыми одноклассниками и заново учу закон Гей-Люссака, уже вызубренный и благополучно забытый много лет назад. И, простите, мне доставляет невинную радость наблюдать за похмельными студентами и грустными работягами, уныло бредущими к местам своей трудовой или образовательной повинности – и довольно ухмыляться тому, что сам я сумел сбросить с себя это тоталитарное общественное ярмо. Попробуйте, вам понравится.

Сегодня по расписанию у меня была лекция аспирантам, и пришлось встать пораньше – но я, знаете ли, клинический жаворонок, так что утро не могло испортить мне настроение. Оно, правда, и само по себе было не слишком радужным – в сердце сидела тревожной занозой вся эта идиотская вчерашняя история, начавшаяся с возвращения из небытия Эли и закончившаяся абсурдным письмом, но я надеялся, что университетские занятия с молодой научной порослью помогут мне развеяться. Так что грядущую встречу я ожидал с предвкушением того рода, что испытывает климактерическая дама, ищущая душевного отдохновения в шоппинге.

Наш ректор – человек современный и считает необходимым строго придерживаться линии главенствующих образовательных трендов. В полном соответствии с текущей отечественной концепцией он не стремится выделиться из массы своих коллег академическими успехами, или, Боже упаси, педагогическими талантами. Вместо этого он ставит в прямую зависимость качество обучения от количества вбуханных в университет средств, надеясь, что мизерный КПД этого процесса все-таки даст небольшой полезный продукт в виде знаний и умений студентов. И, в виде парадоксального исключения, несмотря на скептическое хихиканье высоколобой профессуры, это работало!

То есть, я не знаю, работало ли это для студентов. Мое дело – аспиранты, а это все-таки люди, уже прошедшие какую-никакую селекцию по степени самомотивации. Но для меня, с точки зрения моего личного удобства, университет в последние годы преобразился совершенно чудесным образом. Еще в шальные времена моей собственной учебы это было царство брежневского урбанизма: утилитарные панельные пирамиды в окружении ободранных ёлок и продуктов жизнедеятельности студентов в виде россыпей пустых бутылок и чинариков от «Примы». Сейчас же это был эксклав оксфордского стиля: расположенные широким кольцом невысокие строения из уютного кирпича (под ними – простенький, но все же работающий физический ускоритель), много витражей, фонарей, стриженные газончики – а посреди всего этого густой парк с извилистыми таинственными дорожками и искусственным водопадом в центре. Здесь у нас и современная больница, где прямо на месте испытывают свои, экспериментальные методы, и интернат для одаренных детишек, и настоящие научные институты, в одном из которых трудится моя жена, а в другом есть и мой кабинет. А старые серые здания тоже не забросили: их перелицевали, обновили и выделили в отдельный городок неподалеку, теперь там сплошь административное присутствие да выставочно-торжественные залы. Да, я люблю здесь бывать, и рад, что заведение, с которым связана, как ни крути, вся моя сознательная жизнь – да и жизнь моих друзей, прошлых и будущих, – чувствует себя вполне прилично.

С такими мыслями я вылез из машины, прошел по мощеной дорожке, срезал путь через уже отливающий золотым парк, и вошел в нужный корпус как раз незадолго до звонка, возвещающего начало нового учебного года. Народу в аудитории собралось негусто – дай Бог пол-группы, но и этот улов для первого сентября выглядел удачным. Я представился, взял листок с фамилиями, оставленный тетушкой из учебной части, и провел переключку, расставляя редкие галочки напротив имен присутствующих. Инициатива оценивать успеваемость по посещаемости тоже происходила от ректора, но, в отличие от остального, казалась мне на редкость дегенеративной. Ну да ладно, хрен с ней, с дисциплиной, для начала надо обеспечить себе правильное позиционирование. Я откашлялся и начал:

– Я прочитаю вам спецкурс, посвященный научным основам управления людьми. Управления явного, начальственного, и управления скрытного, манипулятивного. Сначала мы рассмотрим тот нейрофизиологический базис, на который опираются главные методы этой достаточно элементарной дисциплины. Во второй же части курса мы научимся противодействовать этим методам, направленным против вас самих. В конце сегодняшней лекции вы уже сможете самостоятельно распознать признаки того, что на вас оказывается манипулятивное воздействие...

Кажется, заинтересовались: перестали пялиться в телефоны и принялись лениво меня разглядывать. Один, на первой парте, даже сделал вид, что конспектирует. Я самодовольно ухмыльнулся и продолжил:

– Но я помню, что вы не разведчики, не следователи прокуратуры, и не знахари-шаманы (вот же блин, привязалось), а исследователи. Ваша экспертиза должна быть основана не на интуиции, а на строгих экспериментальных данных. Поэтому мы изучим биохимические и электрохимические реакции, вызывая которые, манипулятор управляет мозгом человека...

Услышав слово «биохимический», аудитория заметно стухла.

– ...но не сегодня. Для заправки мне хотелось бы показать вам в целом трагическую картину существования человека, которым, в течение тысяч и сотен тысяч лет, вертят как хотят полчища разумных и неразумных существ – при этом, заметьте, не имея для этого никакой теоретической основы.

Теперь все было в порядке, интерес подогрет до нужного градуса. Я уже собирался перейти к вопросу по существу, но тут хлопнула дверь, и в комнату влетела широкими, неженскими шагами опоздавшая слушательница. Виновато нагнув белобрысую голову, она пискнула что-то извинительное и торопливо устремилась к задним рядам, – но по пути споткнулась, с грохотом уронила стул и упустила сумку. Я сделал шаг, намереваясь подать ей руку, но она уже подскочила и, потешно виляя пухлым задом, спряталась за спинами сидящих. Я подождал, пока уляжется смех и продолжил.

– Сказать по правде, человек – наилучший объект для манипуляций. Это существо с ярко выраженной социальной активностью. Он может существовать только в социуме, в постоянном окружении других особей и, в этой связи, у него имеется масса врожденных механизмов, заставляющих его подстраиваться под желания социума. Этим свойством человека давным-давно научились пользоваться все, кому ни лень: и общество в целом, и государство со своей идеологией, и отдельные люди из вашего окружения, и жены, и мужья, и дети, и даже домашние животные – а помимо этого, сонмы всевозможных паразитов, от червячков до бактерий и вирусов. Все они заинтересованы в том, чтобы управлять человеком, но не убивать его, потому что от живого человека можно получить гораздо больше пользы, чем от мертвого. И все они используют более или менее схожий набор приемов, действующий на определенные структуры головного мозга. А конкретнее – неокортекса, нашего сокровища и проклятия, поскольку именно в него наша социальная природа заложила множество замочных скважин, предназначенных для взлома. Поэтому дрессировать людей несравнимо проще, чем, скажем,

хомяков или лисиц, которые не умеют жить в стае. Скажу больше: дрессировать людей даже проще, чем собак...

– Теперь разберемся с тем, кто и как это делает. Самый заметный, известный каждому с рождения уровень – это манипуляции, совершаемые над индивидом обществом. Здесь даже говорить не о чем – в качестве домашнего задания предлагаю вам просто включить телевизор или вспомнить, как в детстве вас учили уступать место старушкам и не играть с едой. Всё это примеры внедрения архетипов поведения в процессе воспитания. Формально общество – или, если угодно, государство, – безлико, поэтому у него отсутствует заинтересованный мотив: лишь бы от вас был поменьше проблем. С практической точки зрения гораздо более опасны конкретные личности, которые хотят вами управлять для собственной выгоды. Или удовольствия...

– Здесь мы подходим к самому распространенному и излюбленному манипуляторами всех мастей способу – через эмпатию и обучение. Интересен он тем, что объект манипуляции совершенно самостоятельно, не осознавая этого, протягивает своему оппоненту рычаги управления. Эти рычаги – зеркальные нейроны коры головного мозга. Это специализированные группы клеток, отвечающие за обучение посредством имитации, повторения слов или действий за учителем. Наиболее активны они в детстве, покуда ребенок учится, подражая взрослым, но и сейчас, тренируя танцевальные движения или разучивая иностранные слова вместе с преподавателем, вы задействуете ту же зеркальную систему мозга. Помимо прочего, эти нейроны позволяют невербально примерять на себя состояние другого человека по его поведению – например, таким образом мать узнает, как чувствует себя и чего хочет младенец, а вы понимаете, что ваша девушка на вас обиделась, если она неохотно с вами разговаривает. Понятно, какой простор тут открывается для знающего специалиста. Воздействуя правильным образом на этот предустановленный в голове нейронный контур, можно заставить человека повторять все, что угодно. Впрочем, этим пользуются отнюдь не только люди. Многие группы живых существ манипулируют человеком как видом и как индивидом – речь, конечно, о декоративных домашних животных. И это прекрасная видовая стратегия: если домашняя курица является самым эволюционно успешным видом птиц, потому что она вкусная, то коты – самые успешные из кошачьих просто потому, что они милые. И прекрасно эксплуатируют нашу эмпатию, выпрашивая еду. Но о кошках речь еще впереди...

– Важно помнить: человека нельзя заставить сделать что-либо против его воли, даже если он подвергается прямому насилию. Сигнал на действие всегда отдает мозг, и только он сам. В описанных выше примерах мы получаем набор стимулов извне. В органах чувств физические сигналы преобразуются сначала в химические, затем – в электрические, а потом – в синапсах, снова в химические. После сортировки и маршрутизации в структурах мозга, цепь сигналов превращается в физическое мускульное движение. Этот путь можно сократить, воздействуя нейромодуляторами сразу на нужные синаптические связи. Так поступают существа, недостаточно умные или большие, чтобы мы могли воспринимать их своими органами чувств, – но чрезвычайно изощренные в химических атаках. И здесь, наконец, мы поговорим о паразитах, которые посылают сигнал к действию прямо изнутри своего носителя.

Для начала приведу избитый, но чрезвычайно поучительный пример с паразитом покрупнее – токсоплазмой. У нее довольно сложный жизненный цикл, но в рамках сегодняшней лекции будет достаточно сказать, что размножаться по-настоящему – то есть половым образом, она способна только в кишечнике домашней кошки, а вот жить и размножаться делением – в ком угодно. Например, в человеке. Типичным промежуточным хозяином для токсоплазмы является домовая мышь, и, для того чтобы попасть в кошку, паразит меняет поведение мыши. Мышь становится бесстрашна, она перестает прятаться и более того, начинает считать привлекательным запах кошачьей мочи. Естественно, такое поведение быстро приводит к тому, что мышка оказывается в кошке, что и требуется паразиту. Заметьте: он не убивает мышь, потому

что кошки не любят есть дохлых мышей. Нет, он старается извлечь максимум пользы из мыши, пока она жива, используя ее как комфортное термостатированное средство прямой доставки в кошачий живот.

Когда токсоплазма заражает человека, его поведение тоже меняется: он становится более склонным к риску, к необдуманному поведению, или, как говорят специалисты, к самоубийственному самонаправленному насилию. Такие люди, например, достоверно чаще стерильных становятся виновниками автомобильных аварий. Как именно токсоплазма влияет на поведение, пока не очень понятно, но известно, что в мозге пораженных мышей увеличен уровень дофамина, и, вероятно, именно это приводит к изменению их – и людей – поведения.

Дофамин – это типичный нейромедиатор, он нужен для передачи сигнала в определенных синапсах, и, в отличие от гормонов, он вырабатывается только в самом головном мозге, а именно – в гипоталамусе. Он не может проникнуть в мозг извне, если, скажем, ввести его в кровь; а сама токсоплазма, хоть и зачастую образует цисты в мозге, не замечена в выработке чистого дофамина. Значит, токсоплазма заставляет мозг самостоятельно вырабатывать нужный ей нейромедиатор, воздействуя на него опосредованно, через другие вещества. Мало того, этот нейромедиатор должен быть направлен непосредственно в те участки мозга, которые отвечают за нужное паразиту (или, в широком смысле, манипулятору) поведение, потому один и тот же дофамин в центральной нервной системе участвует в решении совершенно непохожих друг на друга задач.

Говоря простым языком, дофамин отвечает за чувство удовлетворения и поощрения. Этим объясняется то, что через дофамин реализуется множество когнитивных и поведенческих функций. Если человек (или его манипулятор) классифицирует какое-то совершенное действие или полученное знание как полезное или приятное, то сформировавшаяся при этом нейронная цепь закрепляется порядочной дозой дофамина. Такое действие человек будет считать правильным, и постарается почаще повторять его в дальнейшем. Но дофамин не определяет само действие. Это прерогатива других биохимических участников сложного процесса поведения – гормонов, многие из которых выступают как нейромодуляторы. Они наслаиваются на электрическую деятельность мозга, направляя потоки дофамина и других нейромедиаторов в те синапсы, которые находятся в их зоне ответственности. Возьмем сексуальное поведение человека. Все вы знаете, что, например, тестостерон делает мужчин более сексуально агрессивными, в целом более агрессивными, полигамными, заставляет их искать новые связи, и вообще проявлять всяческую активность. А, скажем другой гормон – окситоцин – отвечает у тех же мужчин за любовь, привязанность, чувство тепла и уюта, моногамное поведение. Два таких разных поведенческих паттерна, и оба проходят через дофаминовые рецепторы мозга, просто тестостерон активирует их в одном участке, а окситоцин в другом. Таким образом, комбинируя гормоны (или их синтетические аналоги), можно добиться от животного – и, конечно, человека, – того или иного поведения.

Но токсоплазма, судя по всему, не продуцирует гормоны, и вообще – она слишком маленькая и безмозглая, чтобы синтезировать биологические молекулы в фармакологических количествах. Нет, все нужные гормоны организм вырабатывает сам, а токсоплазма лишь запускает этот процесс одним своим присутствием.

Как именно? Одна из теорий гласит, что на помощь токсоплазме (и ее собратьям паразитам) приходит цитокиновый ответ иммунной системы. Да-да, тот самый иммунитет, который обязан оберегать нас от бед, предательски играет на наших врагов. Часто можно слышать, что иммунитет настолько настроен на возбудителя, что подходит к нему как ключ к замку. Это так, но неожиданным следствием этого является обратное: сам возбудитель оказывается отмычкой, взламывающей тонкий механизм иммунной системы. Взаимодействие между паразитом и иммунной системой настолько тесное, что зачастую именно она является прямым проводником сигналов от возбудителя к хозяйскому организму. Множество микроорганизмов, вирусов

и простейших за миллионы и сотни миллионов лет совместной эволюции прекрасно научились использовать сложные процессы иммунного ответа в своих целях. Более того, симптоматика почти любого манифестного инфекционного заболевания – будь то простуда, понос или гепатит, а иногда и смерть организма – порождается не самим возбудителем, а именно иммунной системой, которая, конечно, борется с инфекцией, но в процессе этой борьбы одновременно служит и ее интересам. Это можно сравнить с приемами айкидо или самбо, когда вся сила атакующего оборачивается против него самого. Так работает и токсоплазма. Когда лимфоциты обнаруживают ее, то начинают бить тревогу по всему организму, привлекая на место сражения своих коллег. Для этого они выделяют специальные вещества – цитокины, которые не только стимулируют иммунный ответ, но и в общем оказывают стимулирующее влияние на организм – в том числе, влияя на выброс разнообразных гормонов. Цитокинов известно около двух десятков, и все они имеют разное действие. И лимфоциты продуцируют их в зависимости от типа встреченной ими опасности, запуская иммунный ответ по тому или иному пути, например, гуморальному, клеточному или вообще неспецифическому воспалительному. Токсоплазма знает, какой набор своих кусочков надо показать иммунной системе, чтобы запустить правильный, нужный ей цитокиновый – а вслед за ним, и гормональный ответ. И вот обманутые иммунные клетки стимулируют выработку нужных гормонов, а те – дофамина в определенных поведенческих участках мозга. Ну, а дальше вы знаете. Мыши бросаются под кошек, а люди становятся безбашенными, невротичными, у них снижается скорость реакции, появляется чувство ненадежности, тревоги и сомнения в своих силах. Мужчины становятся более консервативными и глупыми, а женщины, как не странно – более умными и откровенными в своих высказываниях. Немного напоминает коктейль из тестостерона и окситоцина, о котором мы говорили несколько минут назад, не так ли? Известно даже, что острый токсоплазмоз может приводить к шизофрении – или, по крайней мере, быть очень на нее похожим...

– Не брезгают манипуляциями и совсем уже простенькие создания – вирусы. Это даже не организмы, а просто пакеты с молекулами, не способные ни на какую жизнедеятельность внутри себя. Вот только зачастую, заражая животное, они кардинальным образом меняют его поведение. Наиболее известен в этом отношении вирус бешенства, который резко повышает агрессию у своего хозяина и заставляет его нападать на других животных, заражая их через укусы. А, скажем, более знакомый каждому из нас вирус гриппа действует куда как тоньше. Размножившись в клетках слизистой оболочки носоглотки, он принуждает их синтезировать продукт одного из своих генов, который, попадая в рефлекторные дуги центральной нервной системы, заставляет человека чихать. При чихании капельки слюны и мокроты, содержащие вирус, разлетаются на несколько метров со скоростью взлетающего самолета – и, конечно, вирусу от этого сплошная польза, потому что так у него больше шансов заразить новых людей. Однако чихание – это простой безусловный рефлекс, а нас с вами интересуют поведенческие реакции. И гриппозный пациент меняет поведение: цитокиновый шторм делает его тревожным, усугубляет чувство одиночества – и человек ищет общения, коммуникации. Поэтому чихает он, отнюдь не лежа в собственной кровати, а приходит для этого в толпу людей. Сколько раз вы видели этих несчастных, которые, кряхтя и преодолевая себя, тащатся на работу или на учебу вместо того, чтобы отлежаться дома на больничном? Они думают, что ответственно следуют зову долга, но на самом деле это неразумный вирус заставляет их поливать соплями всех вокруг...

– Возможно, простейшие и микроорганизмы способны организовывать наше поведение еще более сложным образом. Похоже, они способны влиять на коллективные действия целых человеческих сообществ, принуждая их членов принимать определенные поведенческие роли. Если та же токсоплазма у отдельного человека повышает уровень невротизма, то логично предположить, что общества, в которых уровень инфицирования высок, будут отличаться в культурологическом смысле от обществ, которые в меньшей степени поражены токсоплазмозом.

И это на самом деле так: показана статистически достоверная корреляция между заболеваемостью (а в отдельных странах она может достигать до 60-70%) и, скажем, эксплуатации чувства вины как способа социального взаимодействия. Показано, что такие общества более консервативны, патриархальны, менее склонны к принятию нововведений, а доминирующая роль мужчин в отношениях между полами в них более выражена.

Некоторые исследователи идут дальше в своих рассуждениях. Несколько лет назад даже разразился небольшой академический скандал, связанный с этим вопросом. Тогда группа московских ученых опубликовала статью о том, что какие-то, доселе не идентифицированные микробы могут стимулировать религиозное поведение людей. Не могу сказать, что полностью согласен с выводами этой работы, но логика, которой руководствуются авторы, по крайней мере, показательна в рамках нашей сегодняшней лекции. Действительно, с точки зрения чистой биологии, религиозное поведение нерационально, то есть не приводит к какой-то непосредственной пользе для человека как живого существа. Вера в богов не делает его более сытым, более физически защищенным или, скажем, сексуально удовлетворенным. В то же время, большинство религиозных обрядов – возникших совершенно независимо в любых известных нам обществах – предполагают массовые скопления людей. Ну, вы знаете: все эти купания в Гангах, целование мощей по очереди, да и просто групповые молитвы – все это на руку разнообразным возбудителям, которые только и мечтают о таких роскошных эпидемиологических условиях. Поэтому, говорят авторы гипотезы, здесь мы вполне можем иметь дело с неявным управлением человечеством паразитами¹...

– Какие выводы можно сделать из сказанного? Их три.

Во-первых, любой человек, по природе своей являясь абсолютно социальным существом, с легкостью и, если угодно, радостью, позволяет манипулировать собой всем, кому от этого есть хоть какая-то польза. Это неотъемлемое следствие его глубокой эволюционной адаптации.

Во-вторых, манипулировать человеком можно как извне – посылая ему определенную последовательность сигнальных стимулов, так и изнутри. И конечно же, во втором случае вовсе необязательно заражать его какой-нибудь дрянью – это слишком ненадежно. Гораздо технологичнее будет ввести ему правильным образом подобранную формуляцию из нехитрого набора препаратов – а дальше уже она будет стимулировать подопытного поступать нужным вам образом.

В-третьих, и главных, есть только один способ отличить, действуете ли вы по собственному умыслу, или вследствие умелой манипуляции. Задумайтесь: полезно ли действие, которое вы совершаете, для вас лично? Если нет – вами однозначно управляют. Иными словами, именно иррациональное поведение индивида является признаком сторонней манипуляции. Любое биологически необоснованное действие, то есть такое, которое энергетически затратно, но не имеет видимой непосредственной выгоды, почти наверняка происходит под воздействием манипулятора. Помните об этом... Вопросы?

Наступила тишина, и я уже начал надеяться, что, как обычно, все обойдется без лишней дискуссии, и тут с первого ряда вылез какой-то умник:

– Но ведь люди постоянно совершают бессмысленные, с точки зрения биологии, вещи, – поправляя очки, заявил он. – Вот мы, например, сегодня проснулись ни свет ни заря, умылись, пришли сюда учиться... Это вполне иррациональное поведение для животного, вы не находите?

– А в чем вы видите противоречие? – парировал я. – Это как раз то, о чем я говорил в самом начале – и я не заметил, чтобы вы проспали конкретно эту часть... Да, манипуляции в широком смысле являются причиной почти всех поступков, которые совершает современный

¹ Желаящим глубже погрузиться в тему рекомендуем статью Panchin et al. (2014) Midichlorians – the biomeme hypothesis: is there a microbial component to religious rituals? (англ.), а также YouTube-канал «Все, как у зверей».

человек. Но вам следует научиться различать те ритуальные действия, которые вам навязывает общество, в котором вы родились и существуете, и те, которые вы совершаете по желанию и в пользу конкретной злонамеренной личности. Общество как явление неразумно, бесцельно, ему, честно, на вас плевать – лишь бы вы не сморкались в колодец и не желали чужой ослицы. Для этого оно, в конечном счете, и заставляет вас умыться, учиться, застегивать ширинку, петь песенки про Дедушку Мороза, и прочим неосознанным образом социализироваться. А вот когда вами, в своих корыстных целях управляет другой человек... Вы чувствуете разницу?

Я нарочито зловещим взглядом обвел аудиторию.

– Еще вопросы?

– А можно, пожалуйста, мне... спросить? – это была та самая опоздавшая, высунувшая нос с последней парты. По-прежнему глядя в сторону, она забормотала так, что я еле мог разобрать, да еще и заикаясь: – Вы говорили, что есть разные воздействия, которые влияют на поведение, восприятие... и н-наркотические тоже. А может ли человек их вообще обнаружить, если его сознание уже изменено? Спасибо!

Я улыбнулся:

– Если говорить о вас, то могу заверить, что не сможете. Как и любой другой из здесь собравшихся. По крайней мере, пока. Но подготовленный человек, специалист в области мозговой деятельности – например, ваш покорный слуга, – без всяких сомнений, поймет, что с ним что-то не так. Так что вам еще предстоит этому научиться, и именно этим мы займемся на следующих занятиях.

Зазвенел звонок. Люблю, когда так точно совпадает: и время закончилось, и все, что нужно сказано. Вот, что значит опыт... и репетиции с таймером.

Впрочем, я забыл одну маленькую вещь. Брезгливо держа двумя пальцами список группы, я вновь обратился к девушке, которая уже двигалась на выход со всеми остальными:

– Простите, а как ваша фамилия? Мне следует, – я потряс рукой с листком, – отмечать присутствующих.

– Хомячкова, – тонким голосом произнесла девушка. Рядом с ней хрюкнули от смеха, и она тут же ожгла юмориста негодующим взглядом. – Но я с другого п-потока, не по расписанию... Меня, наверное, нет в списке. Извините.

– Хомячкова? – медленно переспросил я. – Скажите, а вы не родственница...

Я замолчал.

– Чья? – пропищала она.

– Нет-нет, – опомнился я. – Ничья. Я обознался. Вы можете идти.

Девушка сделала подобие неуклюжего книксена и выскользнула за дверь, а я все смотрел ей вслед, пытаясь собрать в кучу мысли и воспоминания. Неужели это та, что...

Я уже признавался в том, что не помню лиц, но сейчас настало время покаяться и в том, что я несколько подслеповат – а очки не ношу из ложной гордости. Я не разглядел толком ее лица, и теперь клял себя за это. Но невысокая фигура, закутанная в бесформенное платье так, что не понять – толстая или худая, белые косы до пояса, мягкий, переливчатый голос – и фамилия, что совсем невероятно! – разве могло это совпасть просто так? Все это толкало меня на невозможное предположение, что я только что наткнулся на очередную героиню своего прошлого. На какую-то секунду меня даже захватила безумная надежда, что это и в самом деле она, и, значит, все, что произошло с ней и со мной, можно исправить... А затем я с безжалостной горечью поспешил оторвать этой надежде голову: никогда и ни при каких обстоятельствах нелепая Хомячкова не могла быть той, воспоминания о которой пробудила. На то были уважительные причины: та прежняя была много лет как мертва, и ее, бедняжку, закопали вниз лицом в угоду бабским суевериям. Все полагающиеся по этому поводу причитания были давно и позорно выплаканы, а весь тот период жизни наглухо замотан в смирительную рубашку и отправлен без права переписки в еще более глубокий подвал памяти, чем тот, где томилась

Эльза, – а дверь в тот подвал была забита, заварена, заложена двутавровыми балками и залита бетоном марки “100”. А если бы так получилось, что она не умерла, не лежала тогда под дождем с дрожащими под платком волосами, не изводила меня разрушительными приступами отчаянья и вины, то сейчас выглядела бы намного старше этой пигалицы-аспирантки. Так что нет-нет, не может быть, приём вопросов закрыт. Бывают, видно, в жизни и такие совпадения.

* * *

Я решил, что раз уж меня занесла нелегкая на работу, то имеет смысл доделать некоторые не слишком обязательные, но раздражающие своей незавершенностью дела, хвосты по которым тянулись за мной чуть ли не с самого июня. Прогулявшись через парк, я зашел в свой корпус, кивнул вахтеру и поднялся в кабинет. Там я сразу же распахнул дверь и окна пошире: за те месяцы, что я манкировал своими служебными обязанностями, воздух в комнате изрядно застоялся.

Но вместо того, чтобы заняться нужной тягомотиной, я полез в самый дальний ящик стола и выудил из-под пожухших документов пачку фотографий. Это был реликт еще той эпохи, когда фотографии печатали на настоящей бумаге, а сам я кочевал по съемным квартирам, ночуя иногда на работе – так они и осели здесь во время очередного переезда. По разным причинам мне не хотелось хранить их дома – в основном из-за того, что на них была запечатлена жизнь, которая, казалось, уже не имеет ко мне отношения. Не то, чтобы плохая или хорошая (хотя непонятно, чего было больше), а просто другая жизнь другого человека. Я даже думаю, что безбашенные люди, застывшие на этих веселых картинках, почувствовали бы себя не в своей тарелке, помести я их в свой нынешний дом – тихий, практичный, эргономичный и еще черт знает как умно устроенный. А тут, в ящике, открываемом раз в два года, им самое место.

В этот раз я не стал методично просматривать одну изображение за другим, как делал иногда в минуты меланхолии, а распотрошил всю пачку и быстро нашел нужную карточку. Вот она. Или не она? То есть на фотографии-то, конечно – она, но этот ли самый призрак решил почтить присутствием мою лекцию?

Ну-ка, попробуем утереть романтическую слюну и произвести беспристрастную экспертизу. В смысле, сравнение. У девушки на фотографии лицо круглое, бледное – довольно миловидное, но, откровенно скажем, не более чем. Похоже на сегодняшнюю незнакомку? Издали – безусловно. Далее: голубовато-серые, неяркие в общем глаза, которые в окружении рыжих ресниц и бровей смотрятся несколько коровьими (ну ладно, выразимся более тактично – русалочьими) – что насчет них? Черт его знает, не разглядел. Рот слишком маленький, как у героинь азиатских комиксов (помню, как с любопытством ждал нашего первого обеда, чтобы посмотреть, как она собирается просовывать в него столовую ложку) – тоже не разглядел. Очень светлые, порядком растрепанные волосы – да, те самые, хотя сейчас были аккуратные патриархальные косы. В целом – вынес я вердикт – весьма похожа. Проблема в том, что таких простых, чухонских физиономий в нашей нечерноземной полосе миллион – слишком уж активно заселяли ими Сибирь во времена многочисленных политических пертурбаций. Сегодняшняя карикатурная незнакомка выбила меня из колеи не обыденной внешностью, а трогательной, как у мягкой игрушки, неуклюжестью, модуляциями по-детски ломкого голоса, и прочей памятной чепухой. И все же, теперь я, присмотревшись, ясно понимал, что эта – не та. Если бы не комичная фамилия, мне бы и в голову не пришло их сопоставлять. Так что выкинуть из головы и забыть.

И все-таки... Я тяжело выбрался из кресла и подошел к окну, чтобы разглядеть карточку получше. Похожа, чертовски похожа. А вот этот маленький шрам на виске – был ли он у этой, новой?.. Я вертел фотографию на свету, напрягая память – но расплывчатые воспоминания накладывались на не менее расплывчатое изображение, и я совсем запутался.

- Что это у тебя? – раздался сзади веселый голос.
- Нина! – от неожиданности я подпрыгнул.
- Испугался? – улыбалась она. – Иду я с одной работы на другую, дай, думаю, зайду, порадую мужа, раз дверь не заперта... У меня хорошие новости.
- Она цапнула карточку из моих рук и, приподняв очки, стала ее разглядывать.
- Откуда ты это взял? – спросила она с удивлением.
- Да так... Не поверишь, нашел в старых бумажках.
- Бедная Ася! – вздохнула Нина, и я вновь вздрогнул – от того, что услышал, наконец, то имя, которое давным-давно запретил себе произносить. – Жалко ее, да?
- Да уж, – буркнул я.
- Так это все нелепо произошло... Глупо, когда человек умирает совсем бессмысленно, правда?
- Не понимаю, – сердито сказал я.
- Ну как же. Молодым можно погибнуть от болезни, или на войне, или, допустим, полез кого-то спасать и сам загнулся. Это все грустно, конечно, но все равно в этом есть какая-то логика событий, какая-то мотивация, понимаешь? Нет осадка несправедливости. А вот так, по слепой случайности, из-за того, что какой-то дятел просто не успел нажать на тормоз... Да прости господи, если бы её даже специально убили – в этом все равно было бы больше смысла. Понимаешь?
- Странно такое слышать... По-твоему, было бы лучше, если бы ее убили?
- Да нет, конечно. Но в этом случае был хотя бы тот, кому можно отомстить...
- Я с изумлением посмотрел на нее, но она уже отвернулась к столу и бросила на него фотографию. Увидела остальные, взяла одну.
- Ого, у тебя тут целая галерея! Смотри-ка, а вот тут мы все вместе! – рассмеялась она.
- Я нехотя заглянул ей через плечо. На фотокарточке был я – в бабочке (о Боже!), восседающий, надменно и независимо задрав нос, за столом, уставленным бутылками; была смеющаяся Ася, плюхнувшаяся крепким задом на столешницу и болтающая ногой в вязаном чулке; была Нина – еще совсем девчонка, вусмерть накрашенная, радостно орущая что-то кому-то за кадром; и были еще какие-то гранд-дамы, имен которых я теперь и не вспомню, с надутыми шариками в руках. Будни нашей старой лаборатории, впоследствии благополучно разогнанной. Точнее, не будни, конечно, а праздники – фотография явно с какого-то протокольного события типа 8 Марта, будь он неладен... Удивительно, как мне тогда удалось собрать под одной вывеской этих прожженных гистологических матрон, синих от папиросного дыма и паров гематоксилина², и вместе с ними – сопливых гуманитарных дипломниц. Это был проходной антропологический проект, совершенно бессмысленный для мировой науки, но достойный финансирования с точки зрения начальства (состоящего, судя по всему, сплошь из латентных расистов) – а мне в те времена было по барабану, чем заниматься, лишь бы быть главным...
- Помнишь, как мы с тобой от всех прятались? – сказала Нина, отыскав мою руку. – Страшно боялись, что эти гримзы узнают. Особенно когда нас чуть не застучали прямо на столе в деканате... Страшно неудобный был стол, доложу тебе. У меня потом неделю синяки сходили... Смешно сейчас об этом вспоминать, да?
- Обхохочешься, – вздохнул я, а сам мысленно прибавил: если бы только гримзы.
- А откуда это все у тебя? Я и не думала, что такая фотографическая древность способна дожить до нашей эры.
- Слушай, – я предпочел сменить тему. – А что за новости?
- Какие?
- Ну, когда ты зашла, то сказала, что у тебя хорошие новости.

² Краситель для микроскопического окрашивания.

– А! Точно, вот я растяпа у тебя, сама же сказала и забыла. Я, наконец, подбила баланс за первое полугодие.

– Ну?

– Все отлично. Двести тринадцать тыщ чистыми в профит. И это только по распискам, проценты смогу в конце года, сам понимаешь.

Новости и впрямь были выдающиеся.

Нина с некоторых пор ведет мои дела, потому что самому мне лень. Если вы думаете, что сколотить капиталец на акциях под силу только корпоративным небожителям, то находитесь в плену кинематографических иллюзий – распространяемых, разумеется, самими профессиональными трейдерами в целях снижения конкуренции. Вам, верно, представляются огромные залы, набитые включенными людьми, безумно выкрикивающими «беру Газпром!» или «продаю Мангитогорск!», но так уже давным-давно не делается. Прошли и те времена, когда включенные люди причесались, переместились за компьютеры и принялись с бешеной скоростью выстукивать команды на электронных торгах. Это называется «играть в короткую» и сейчас человеку тут места нет – все делают машины, причем выигрывают те, у кого короче провод к биржевому серверу.

Нормальные люди даже не пытаются нагреть копеечку на секундном колебании курса. Они старомодно играют на среднесрочном повышении. Для этого не нужно большого ума (если честно, то никакого не нужно) или времени – а нужен только телефон да некоторое количество свободных денег. В последнем весь секрет – это должны быть деньги, которые не понадобятся вам завтра, или через неделю, или в какой-то другой определенный момент. Это должны быть такие деньги, которые вы с лёгкой душой отпустите в плавание, будучи уверенными, что они вернутся с привеском, но не зная, когда это случится точно. Дальше рутинная технология: покупаете первые попавшиеся акции и спокойно ждете, пока найдется тот, кто готов их купить по цене чуть больше той, что вы заплатили, плюс комиссия брокера. Это может занять час, а может – несколько суток, в течение которых курс будет болтаться, как цветок в проруби, но будьте уверены, что неизбежно наступит момент, когда вы спихнете ваш портфель с гешефтом. А потом покупаете новые акции – да хоть те же самые, что только что продали. Главное, чтобы каждый цикл завершался в минимальном плюсе. Удивительно, как быстро и просто это происходит. Уже много лет фондовый рынок всегда находится в восходящем тренде – это базис современной цивилизации, по-другому не бывает, иначе все рухнет. Конечно, иногда бывает и спад – на месяцы и даже годы – но если тот капитал, что вы крутите, не нужен вам немедленно, вы легко переждете эти периоды затишья. Разумеется, такой нехитрый способ не даст вам таких космических оборотов, как при игре в короткую, но много ли простому человеку надо для счастья? Скромных 30-40% годовых вполне достаточно, уверяю вас.

В своё время я начал именно с ключевого элемента этой схемы – денег, которых не ждешь. У жены была квартира, оставшаяся от родных, скончавшихся еще до нашего знакомства, и я предложил пустить ее в дело. Это был первый и единственный случай на моей памяти, когда Нина устроила настоящую истерику – она ни в какую не хотела лишаться родового гнезда и всех связанных с ним воспоминаний. Но в конечном итоге я оказался прав – то ли мне везло, то ли сказывалось хладнокровие, приобретенное в баталиях с Эльзой, но наша семейная мощь быстро набрала вес, превратившись из тощей и дырявой в румяную и упитанную. С ростом денежного потока геометрически увеличился объем бухгалтерии и прочей писанины (не помог даже перенос наших активов в уютную облегчённую юрисдикцию), и все это мне порядком наскучило. Тогда я научил жену паре-тройке элементарных приемов, вручил ей ограниченный доступ на площадках и навсегда забыл про всю эту нудную ерунду. Нина, существо в высшей степени дисциплинированное и сообразительное, справлялась на отлично, и за несколько лет превратила вспаханную мной делянку в пышный, отливающий всеми оттенками зелени цветник. Я же, обретя свободу, неожиданно для себя и по-настоящему увлёкся наукой. Правда,

эта внезапная страсть столь же скоропостижно скончалась – сразу после вручения докторского диплома. Ну и ладно – эта бесполезная, но почетная галочка в биографии лишней не будет...

– Вот это мы молодцы! – похвалил я. – И сколько всего?

– Три с четвертью, – хвастливо сообщила она. – И четыреста с копейками в евро. И я придумала одну штуку, только тебе надо будет расписаться в...

Ее прервал телефон. Она взглянула на номер, закатила глаза, и немного виновато пожала плечами – дескать, не могу отвертеться. Я успокаивающе кивнул ей, хотя терпеть не могу отвлекаться от деловых разговоров. «Да, Александр Викторович... Да, в зеленом кофре, рядом с зарядами... Да что вы такое говорите?» – щебетала Нина с умильно заботливым лицом. Александр Викторович – это ее археологический шеф, большой человек. Что-то у них там действительно случилось.

– Я забыла тебе еще сказать, что... – начала Нина со вздохом, закончив разговор. Но ее вновь прервал звонок.

– Да бегу я, мать вашу, бегу! – прокричала она в трубку уже совсем другим тоном. – Сдурели, натурально... Ой, всё! Всё-о!

Она чмокнула меня в щеку и унеслась. Так я ей и не рассказал про Эльдара... ни вчера (она задержалась на работе допоздна, и я с облегчением улегся спать, так ее и не дождавшись), ни сегодня. Да и хрен бы с ними обоими, успеется. Я подошел к окну и смотрел, как Нина вприпрыжку сбегает по крыльцу и долго переписывается с кем-то в телефоне, встав у машины. Потом она огляделась, заметила меня вверху – вздрогнула, не ожидая, что я за ней слежу, но тут же улыбнулась, помахала рукой и укатила.

Тогда я еще не знал, но это был последний раз, когда я видел свою жену живой.

Понедельник, после обеда. О женщинах и вине. Путь воина.

Я еще долго сидел в кресле, лениво перебирая фотографии. С годами я обнаружил в себе килотонны сентиментальности. Меня это радовало: познавать даже такие примитивные переживания после десятилетий бесчувственного эгоизма было занятно.

Поначалу мне даже нравилось пробовать на вкус горечь, которая, как снежинки, летела на меня с изображений полузабытых лиц, навсегда покинувших действительность моей жизни. Означало ли это, что их больше не существовало вообще? Не знаю, может быть. Некоторым из них был нужен я – и как же здорово, чёрт побери, что они больше не могут крутиться вокруг меня, изводя своими просьбами и поручениями. Но некоторые были нужны мне – и, пожалуй, жаль, что их нет рядом, и я не могу сказать им что-нибудь ободряющее. Честное слово, их жизнь была лучше, если бы моя персона не встретилась им на пути.

Вот оно – то, ради чего я обычно и затевал все это расчесывание особо чувствительных кусочков памяти. Я уже чувствовал, как легкая ностальгия по людям прошлого закономерно сменяется виной перед ними. Вина – стержень моего существа. Концепция упрека является основой моей конституции, и внутри меня она выполняет те же функции, что у нормальных людей – кантовский нравственный эталон. Вместо того, чтобы спрашивать себя – правильно или неправильно, этично или нет, – я задаюсь вопросом: стану ли я жалеть о содеянном? И если чувствую, что да... догадайтесь, что я выбираю.

Кто-то скажет: да блин, зачем? Разве приятно постоянно винить себя во всем? Ничего-то вы не понимаете в творческом процессе, господа, – отвечу я вам. Без эмоций тут нельзя: получается убого и фальшиво. Конечно, эмоции могут быть самыми разными – радостными, влюбленными, страшными, – это уж всё равно; но раз я достиг отточенного мастерства именно в виноватой печали, стоит ли менять бывшего коня на переправе? Вот и сейчас я ощущал, что происходящие со мной загадочные события – и, конечно, встреча со странной блондинкой, – раздергали меня, разбередили, и все это так и просится в какой-нибудь рассказ. И раз уж тут есть стол, а мне нечем заняться, то почему бы не сделать несколько набросков? Но сначала следовало окончательно настроиться.

Например, вот правильная карточка, когда-то забранная из родительского дома, но так и не вставленная с почестями в семейный альбом, а желтеющая под грудой прелых бумажек. На ней маленький, едва ли двух лет, мальчик – недоверчивый, с серьезными светлыми глазами, в рубашонке с уточкой. Этот мальчик – я сам. Виноват ли я перед ним? О, еще бы! Ведь это я, как ни крути, похоронил его умильные мечты, заставив вырасти, а потом пройти через грязь и дерьмо, алкоголизм, свинство, нечистую похоть, предательства самого себя и дорогих ему когда-то людей... Неплохо? А вот моя бабушка – перед ней, конечно, я виноват за то, что она всегда была рядом со мной с самого рождения, а я так ни разу и не побывал на ее могиле. Хотя туда пешком идти полчаса. Хорошо, хоть Нина иногда это делает... Тут я почувствовал, что отвлекаюсь, и из-за этого никак не могу, фигурально выражаясь, навести прицел на самого себя. Настало время применить тяжелую артиллерию.

В чем я виноват перед Асей? О боги, да я не могу даже вспомнить, в чем я не виноват – потому что список хороших дел, которых я сделал для Аси, состоит ровно из нуля позиций. Разумеется, я никогда не воспринимал ее всерьез. Не давал себе труда разобраться в том, что творится в ее плюшевой душе. И вообще, в грош ее не ставил. Так, забавная игрушка. И поэтому, не задумываясь, обманул ее, когда подвернулась Нина. Нину, получается, я тоже обманывал, потому что она до сих пор понятия не имеет о нас с Асей, но... как раз перед Ниной я никакой вины не чувствую. Наверное, потому что взял ее в жены и тем самым получил индульгенцию за предательство. Может быть, за это я ее и люблю?.. Смешно.

Нина, Ася... Я снова достал карточку с того праздника, где они вместе. Помнится, в былые времена, когда они вдруг оказывались рядом в моем поле зрения, я с сердцем, замирающим от страха, представлял их – моих наполовину – вместе: задорную пацанку Нину и мягкую, лиричную Асю. Как же это было странно, что они делили одного мужчину, и, не подозревая об этом, рассказывали друг другу новости, ходили парой, как это заведено у девушек, в туалет, обедали вместе в столовой... М-да. Сколько раз жизнь учила меня, что нельзя разводить все это непотребство на рабочем месте, но тогда я ничего не мог с собой поделать. А кстати, знаете ли вы, что все эти научные девы и интеллектуалки пусть не всегда опрятны, но чрезвычайно склонны к промискуитету? Если вы – закомплексованный ботаник, не способный подойти к самой заваливающей женщине – смело двигайте в науку. Воистину, воздастся вам.

Я снова свернул не туда, и, чтобы поставить мысли на заезженные рельсы, взял новую карточку. Тоже Ася, но уже другая – не в душном офисе, а где-то на природе, с распущенными волосами, бредущая босиком по лужку и задумчиво улыбочивая. Где это она? Не помню...

Вот именно. Основная беда с Асей – точнее, с теми ее остатками, которые до сих пор осыпаются со стенок моей памяти, в том, что я уже ничего о ней не знал. Ни-че-го-шеньки. Прежде я мог клясться себе до посинения, что никогда не забуду ее, но все это было безбожное вранье. Прошло всего-то несколько лет, и я благополучно позабыл все, что было и чего не было. Место настоящей, зримой Аси давно уже заняло самозабвенное воспоминание о собственном горе.

Я был еще способен, допустим, осознать, что Ася тоже когда-то была живым человеком, упругой, теплой девушкой, и она ходила по траве, и наверное, эта трава колола пальцы на ее ногах, а ее голые плечи, наверное, были все в мурашках от влажного вечернего ветра, а еще, наверное, она что-то там думала в своей светлой голове, и, вполне может быть, радовалась, печалилась, любила, сердилась, – но сейчас я не способен даже вспомнить себя рядом с ней, свои собственные ощущения от ее близости. Память о том, что была когда-то вот такая Ася, уже тихо испарилась по капле, растворилась, как кусок сахара, в моем невнимании, и теперь не осталось больше в мире никаких следов от этой несчастной девчушки – кроме пары выцветших фотографий.

И именно эта потеря была самой ужасной. Теперь кажется, что я на самом деле ее любил, и многословно заверял в вечной любви, а потом втихушку изменял ей, а потом снова и снова. Пока она была живой, я еще мог утешать себя тем, что все можно объяснить, успокоить, загладить, исправить, и сделать ее, наконец, счастливой. Когда-нибудь. Но это «когда-нибудь» не наступило. И не наступит. Когда она уже умерла, то еще какое-то время жила во мне, и тогда я мог оправдаться хотя бы перед самим собой. И было за что, потому что Асино тайное унижение не закончилось и после смерти – ведь я продолжал изменять ей уже мертвой. А вот теперь исчезло даже мое воспоминание о ней, и больше я не могу оправдаться ни перед кем. Вот странно: умерла Ася, а страдаю я.

Совершенно позабыв, что сам закрутил эту тошнотворную карусель воспоминаний, я страшно разозлился на ненастоящую, пародийную Хомячкову – за то, что подняла во мне все эти пыльные волны рефлексии. Как смела она быть похожей на мою Асю? Ее появление пугало меня, неприятно раздражало, и, осознав, что страшусь непонятно чего, я с изрядным трудом заставил себя провести внутренний аудит. Вот в чем было дело: я вдруг понял, что хочу знать о ней больше, встретить ее вновь, вытрясти из нее всю душу, чтобы убедиться, что она – не она. А если проще, то эта дура Хомяčkова попала в резонанс тому эмоциональному типу, который, как рубец от ожога, отпечатался в моей душе после Аси. И она самым банальным, инстинктивным образом привлекала меня – просто как женщина, сексуальный объект. А другая моя часть, отвечающая за благоразумие, тут же врубила сигнализацию – обоснованно полагая, что всякого рода фривольные приключения могут серьезно осложнить мне жизнь. Нет уж,

дружище, хрен тебе, мрачно усмехнулся я. Очаровываться молоденькими аспирантками – что может быть пошлее для такого солидного, размеренного человека как ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.